

"Москвест"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак

Москвест

Предисловие

Дорогие взрослые читатели!

Мы сами предисловия читать не любим, и еще меньше нам нравится предисловия писать. Но тут случай особый.

Пока работали над рукописью – такого наслушались... В общем, давайте сразу расставим точки над всякими буквами. А поскольку с подростками, для которых мы собственно и пишем, у нас ни разу разногласий не возникало, мы целенаправленно обращаемся к взрослым.

Во-первых, перед вами вовсе не историческое исследование или сенсационный вариант альтернативной истории. Это просто повесть о двух подростках, приключения и фантастика. В слове «Москвест» главная часть – «квест». Договорились?

Во-вторых, мы сильно отличаемся от наших героев. Если Миша, Маша или кто-то еще высказывает свое мнение – так это его мнение, не наше! Если английский посол считает Россию отсталой страной – это снобизм конкретного английского посла, а не авторская позиция. Если дружинник князя Остее думает, что князь Дмитрий Донской сражался против Мамаю, чтобы помочь Тохтамышу, – мы тут ни при чем, честное слово!

При этом мы очень любим своих героев. Но они не идеальны. Они ошибаются и совершают глупости, но от этого мы любим их ничуть не меньше. Если человек не ошибается, то он не взрослеет, не набирается опыта.

В-третьих, мы много чего додумали, нафантазировали, нарисовали портреты – но только там,

где это не противоречит историческим источникам. Никто из наших современников не знает, каков был Юрий Долгорукий в обыденной жизни, – вот мы и сделали его таким... э-э-э... словом, таким, каким он предстанет на страницах этой книги.

В-четвертых, не спрашивайте нас, чему учит наша книга. И тем более не спрашивайте, куда она ведет молодое поколение и к чему призывает. Мы просто рассказываем историю. А делать выводы – это дело читателя.

В-пятых, авторы тоже люди. Мы могли в чем-нибудь ошибиться. Да что там «могли» – на этапе авторской редакции благодаря тест-читателям и консультантам выгребли довольно много анахронизмов. Что-то наверняка не заметили. Извините, мы старались изо всех сил.

И – о приятном. Большое спасибо всем, кто помог нам исправить ошибки. В первую очередь – Ольге Викторовне Стрелковой, кандидату культурологии, научному сотруднику Музеев Московского Кремля. Она и персональную многочасовую экскурсию по Московскому Кремлю для нас провела, и вместе с коллегами рукопись вычитала, и много полезных замечаний сделала. Пусть не со всеми замечаниями мы согласились, все равно – огромное спасибо Ольге Викторовне и ее коллегам!

А еще мы хотим поблагодарить тест-читателей, которых было так много, что ни одно предисловие не вместит в себя полного списка. Спасибо, дорогие! Вы нам очень помогли!

Всё, а теперь – милости просим в книгу!

Ваши авторы

Глава 1. Минус тысяча

Мишка стоял посреди Александровского сада и злился. Их класс зачем-то понесло на экскурсию, они долго толкались в метро, потом продирались сквозь галдящую толпу у стен Кремля. «И чего они все сюда едут?» – раздраженно бурчал он себе под нос, поправляя наушник, в котором звучал бодрый рэп. Но, как назло, и он неожиданно оборвался. «Ну а ты

чего замолчал?» - еще раздраженнее подумал Мишка, вытаскивая из кармана телефон. Тот обиженно пикнул и разрядился окончательно.

Мишка зачихал его в карман и огляделся. Одноклассников в пределах видимости не наблюдалось.

Мишка понял, что, пока он слушал рэп и злился, остальные ушли далеко вперед. Теперь придется одному тащиться обратно через весь город, а завтра еще и объясняться с классной, куда он исчез...

- Ладно, где наша не пропадала, - буркнул Мишка.

Поправил новую кепку с эмблемой чемпионата мира по футболу. Настоящую, брат прямо из Африки привез, не какое-нибудь фуфло, которое у метро пачками продается. Полюбовался на белоснежные кроссовки. Не оттоптали их в московской толкотне, такие же ослепительно красивые.

- Ну и? - спросил он у себя.

И начал выбирать очередную жертву своего обаяния. Чтоб телефон дали, позвонить классной.

У иностранцев просить бессмысленно, фиг объяснишь, что тебе надо - и это несмотря на то, что Мишка с детства по курсам английского да спецшколам! Эти тетки с огромными сумками тоже ничего не дадут, они за рубль удавятся. Кто же, кто же, кто же... О! Вот она!

Возле скамейки стояла девчонка. Лет двенадцать, а может четырнадцать. Ничего примечательного, обычная девчонка. Джинсы, хвостик... Блондинка. Даже хорошенькая. Только вид у нее потерянный.

Мишка небрежно подошел к девочке.

- Хай!

- Привет...

Взгляд удивленный, настороженный.

Мишка отработанным движением откинул со лба кучерявую челку, поправил кепку и лучезарно улыбнулся. Но ответной улыбки не последовало, девочка все так же хмуро смотрела исподлобья. «Тяжелый случай», - подумал Мишка, но решил не сдаваться.

- Прикинь, мы тут с классом в Кремль приехали, типа на экскурсию. А я музыку слушал, слушал...

Мишка внимательно следил за девочкой, чтоб понять, как говорить дальше - переходить на жаргон, или, наоборот, скатываться на литературный язык. А она, как назло, смотрела совершенно безучастно, не морщилась, не улыбалась.

- Короче, я отстал от своих, - нейтрально продолжил Мишка, - а телефон сдох.

Девочка продолжала смотреть Мишке в глаза, вместо того чтоб начать суетиться, доставая телефон из кармана, или хотя б просто улыбнуться.

- Дай, пожалуйста, телефон, я классухе позвоню, - выдал Мишка, опять улыбнувшись своей

«фирменной» улыбкой. – Я быстро. У нее такой простой номер, я его наизусть помню.

– Не дам, – отрезала девочка.

У Мишки челюсть чуть не пол не упала от неожиданности.

– Почему? – искренне изумился он.

– Не работает.

– Что не работает? – уточнил Мишка.

Девочка ответила крайне неохотно.

– Телефон, как ты выразился, сдох.

– Что, и у тебя тоже? – не поверил Миша.

– Да. Похоже, сегодня в Александровском саду день дурака, – ухмыльнулась девочка.

Мишка смотрел недоверчиво, и девчонка вытащила из кармана погасший телефон.

– Подружка позвонила. Горе у нее, парень ее бросил, – девочка презрительно скривила рот. – Минут двадцать дурила голову. Телефон сел, все ушли. Билеты у классной.

Мишка с тоской посмотрел на погасший экран телефона, с трудом подавляя раздражение. Время ушло, звонить уже, наверное, бессмысленно, даже если кто и даст телефон. «Ууууу, дура, это ж надо так трепаться, чтоб телефон разрядить», – подумал Мишка и плюхнулся на скамейку.

– Тебя как зовут? – лениво спросил Мишка.

– Маша, – безразлично ответила девочка.

– Хочешь мороженого? – продолжил Мишка, заметив недалеко фирменный холодильник.

– Иди на фиг, – беззлобно ответила Маша.

Мишку, как ни странно, это совершенно не обидело, а наоборот, успокоило. Типаж определился – парнененавистница. Вся из себя гордая и уверена, что все одноклассники полные идиоты.

– Как хочешь, – ответил Мишка, а потом вдруг заявил: – От этих экскурсий все равно никакого толку! А история вообще – убитый предмет!

– Сам ты убитый! – огрызнулась девочка.

И вот тут Мишка разозлился. Мало того, что телефон разрядила, так еще и жить его будет учить! Тоже мне, нашлась умница!

Мишка собирался сказать наглой девице все, что о ней думает, но отвлекся.

Во-первых, где-то недалеко вдруг ударил колокол. Звук был густой и важный, сразу захотелось к чему-то прислушаться.

А во-вторых, по аллее прямо к ним быстро шел мужчина в непонятной форме – что-то вроде офицерской из исторических сериалов. Сам очень высокий, с огромными закрученными кверху усами, блестящими сапогами и сияющей бляхой ремня. Все это вместе вызывало в памяти выражение «военная выправка». Шел он уверенно, размашисто, по-хозяйски, но при этом у него с лица не сходило озабоченное выражение, и смотрел он прямо на Мишку.

- История – отстой! – громко сообщил Мишка, встал со скамейки, развернулся, чтобы отправиться к метро, и налетел на Машу, сбив ее с ног.

Последнее, что он успел заметить перед тем, как упасть в воду, – озабоченный военный перешел на бег.

* * *

Мишка всегда неплохо плавал, но тут вдруг запаниковал, забил руками по воде – чуть не утонул. Спасло его два обстоятельства. Во-первых, вода доходила только до шеи. Во-вторых, рядом еще больше паниковала Маша. Мишка собирался ее спасти, схватив за волосы, как делают герои в фильмах, но в этот момент его самого схватили за шиворот и выдернули из воды. Через секунду рядом застучала зубами и подруга по несчастью.

- Вы кто? – злобно спросил Миша у верзилы, пытаясь выдраться из его цепких рук.

- Городовой, – коротко представился военный, очень недовольно рассматривая спасенных.

- Где мы? Куда мы попали? Откуда вода? – сердито выпалила Маша.

- Зачем вы к нам бежали? – не отставал Миша.

- Тихо! – прикрикнул Городовой. – И так наболтал себе неприятностей!

Маша подавилась очередным вопросом, Миша спросил за нее:

- Что значит «наболтал»?

Но дядька и не думал отвечать, наоборот, шикнул и поднял руку, как будто к чему-то прислушиваясь. Миша невольно прикусил язык.

- Объяснил бы я вам, – сказал верзила, вслушиваясь все тщательнее, – да времени мало... А вас много...

После этого непонятого замечания Городовой вдруг выхватил из кармана большой серебряный свисток, резко дунул в него... и исчез.

Мишка и Маша уставились сначала на место, где стоял их спаситель, потом друг на друга...

- Это глюки, – Мишка старался говорить очень уверенно. – В смысле... Галлюцино...

Договорить мудреное слово «галлюциногены» он не успел. Из воздуха снова возник Городовой и гаркнул:

- И чтоб стояли тут, никуда не ходили! Эх... Видок у вас никуда не годится... Переодеть вас нужно! Снимайте мокрое, сейчас что-нибудь добуду!

Мишка собирался поспорить, но Городовой снова исчез непонятно куда. Да и была в его словах

правда – намокшая одежда неприятно прилипла к коже. Мишка сплюнул и принялся раздеваться. Девчонку он совершенно не стеснялся – пусть сама стесняется. Маша минутку постучала зубами, зашла за куст и тоже принялась возиться с одеждой.

Стаскивая мокрую майку, джинсы и кроссовки, Мишка пытался понять, куда их занесло. Вокруг стоял угрюмый хвойный лес, под ногами чавкало, сырой глинистый берег почти незаметно переходил в мутную речку, из которой их и вытащил Городовой.

Стоило его только вспомнить – и верзила снова возник из воздуха, молча сунул Мишке и Маше в руки по свертку.

– Никуда не уходить! – напомнил он таким командирским тоном, что Мишке тут же захотелось свалить отсюда подальше.

Просто из принципа. Впрочем, Городовой, в уже привычной манере, пропал.

– А может, – спросила Маша из-за куста, – мы просто спим? То есть сплю я, а ты мне снишься?

Мишка не удостоил ответом девчачьи глупости. Вместо этого развернул сверток, который оказался чем-то вроде длинного мешка для картошки, только с рукавами. Секунду поколебавшись, Мишка принялся натягивать его на себя – надо же было как-то согреться. На ощупь рубаха оказалась даже приятной, но сейчас Мишку раздражало и это. А больше всего его злил таинственный военный, из-за которого они, судя по всему, и вляпались в эту историю.

– Раскомандовался, – бурчал Мишка вполголоса. – Куда захочу, туда и пойду. А если галлюцинация, то ненадолго... О! Сейчас все узнаем! Галлюцинации в воде не отражаются!

Мишка сделал шаг к речке, чтоб посмотреть на воду. Отражение было на месте, хотя и довольно мутное. Мишка отступил назад, повертел в руках мобильник, разобрал его, чтоб просох, и сунул под куст – все равно на временной одежде не наблюдалось ни одного кармана.

Тут показалась Маша. К неудовольствию Мишки, на ней «мешок» сидел даже изящно. А еще у нее в комплекте оказался веревочный пояс, которым Маша подпоясалась, придав себе более человеческий вид. На ногах у Маши красовались...

– Это лапти, что ли? – уточнил Мишка.

Маша хмуро кивнула.

– А мои где? – из принципа потребовал Мишка.

Маша молча ткнула пальцем под куст. И правда, под ним лежала еще одна пара лаптей. Мишка сердито выдернул лапти из-под куста, и из них вывалилась странного вида трубочка – красного дерева, с отверстиями по бокам.

Прилаживая маскарадную обувь неудобными веревками к голени, Мишка злился все больше и больше. Почему он должен обряжаться в эти маскарадные костюмы?! Он даже потрогал одежду, развешанную на кусте, но с нее все еще обильно капало.

– Ладно, он мне за это ответит, только разберемся, что случилось... – бормотал Мишка, вертя в руках трубочку. – Папа позвонит, и всем мало не покажется...

Маша сумрачно уставилась в вяло бегущую воду.

- Не г-г-галлюц-ц-цинация, - констатировала она, постукивая зубами.
- Ну чего ты трясешься? - раздраженно спросил Мишка. - Расслабься, скоро все выясним!
- Холод-д-дно, - ответила Маша, - я в жизни в платьях не ходила, а тут еще и колготки забыли дать...

Маша попыталась завернуться в длинную льняную рубаху, но, судя по цвету ее носа, тепла от нее было не больше, чем от Мишкиной.

- Ладно, - решил Мишка, - пойдём!
- Куда-д-да?
- Искать. Кого-нибудь.
- Не пойдём мы никуда! Городовой сказал здесь сидеть, никуда не уходить!
- Какой Городовой? - возмутился Мишка. - Нет никакого Городового! Свалил! Наверное, он и был главной галлюцинацией. Мы тут околеем, пока его дождемся. Сейчас пойдём, найдем работающий телефон, я позвоню отцу, и он нас заберет.

Маша нахмурилась, закусила губу и, пошатываясь и поскользываясь в неудобных лаптях, подошла к Мишке.

- Ладно, пойдём туда! - сказала она и махнула рукой куда-то в сторону, где бор выглядел вроде как пореже.
- Почему туда? - удивился Мишка.
- Мне кажется, там дорога.

Маша бодро захромала в указанном направлении, и Мишке пришлось идти за ней. Под рубаху поддувало. Трубочку спрятать было некуда, пришлось держать ее в руке.

Через четверть часа перемещения по бурелому Миша озверел.

- Все. Привал. Я уже все ноги разбил.
- Зато согрелись, - отрезала Маша.
- И где твоя дорога? - ехидно поинтересовался Миша.
- Не знаю...

Маша как раз вылезла на полянку, но тут же пригнулась.

- Тихо! - шепнула она, и присела.

Прямо на ребят шла женщина, в такой же длинной рубахе, как и у Мишки с Машей, разве что более грязной. В руках у нее был туесок, как из сказки, и она что-то бормотала себе под нос.

- О, человек! Сейчас договоримся!

Миша нацепил фирменную улыбку и рванул к бабке.

- Простите, пожалуйста, вы не подскажете... - бойко начал он.

- Аа-аа-аа-а!.. - заорала женщина и, кинув туесок, рванула в лес.

Миша попытался ее догнать, но немедленно поскользнулся.

- Пойдите! - закричал он вслед. - Вы только скажите, где мы?

- Ну что, договорился? - съехидничала Маша.

Она аккуратно подняла кинутый туесок. Он был старый, драный и доверху набит вонючими корешками.

- Ручная работа, - сообщил Мишка, - бешеные бабки сто?ит.

Маша вздохнула, отложив туесок в сторону.

- Зато мы узнали, что тут есть люди, - сообщил Миша. - Пошли дальше.

При слове «пошли» Маша поморщилась. Сняла с ног лапти, попыталась идти без них, скривилась еще больше.

- Что, неудобно? - поинтересовался Мишка.

- Нормально! - отрезала Маша. - Просто ноги стерла.

Маша присела на какой-то пенек, поглаживая стертые в кровь пятки.

Мишка отвернулся, и ему почудилось еле уловимое движение в кустах.

- Сиди здесь, - сказал Мишка, - я быстро. Сейчас я поймаю этих шутников...

И он скрылся в дубраве.

Когда Маша подняла глаза от израненных ног, то увидела руку, тянущуюся к туеску. Потом встретилась глазами с хозяйкой руки. Потом они хором ойкнули.

Маша замолчала, потому что боялась спугнуть, женщина пригляделась к девочке, быстро схватила туесок и прижала к себе, как величайшую ценность.

- Вы берите, берите, - шепотом сказала Маша, - я не хотела вас напугать.

- Уду ты[Откуда ты? (*старосл.*)]? - тоже шепотом отозвалась женщина с каким-то неуловимым акцентом.

- Ой, - удивилась Маша, - а вы по-русски говорите?

- Штуждь[Чужой... (*старосл.*)]... - забормотала незнакомка, отбирая туесок. - Штуждь...

Женщина поспешила прочь, но Маша не собиралась ее просто так отпускать. Она шагнула вслед и тут же ойкнула от боли - мозоли горели нестерпимо. Незнакомка услышала и замерла в нерешительности. Маша решила говорить громко и отчетливо:

- Как нам выйти к дороге? Где город?

В ответ женщина затараторила так быстро, что Маша смогла разобрать только отдельные слова: «бояться», «туда», «ходить», «супруг»...

Маша только растерянно моргала да морщилась от боли.

Неожиданно женщина сунула руку в туесок, достала корешок, быстро разжевала его, пошептала что-то и стремительно приложила кашицу к Машиной ноге.

- Абие[Скоро (*старосл.*)], - тихо сказала женщина, - абие...

То ли от корешков, то ли от успокаивающего голоса незнакомки действительно становилось легче. Маша улыбнулась целительнице, та почти улыбнулась в ответ...

И тут из-за деревьев послышался голос Мишки:

- Ушли, гады! Зато я понял, что это за трубка! Это свисток!

И Мишка вывалился из чащи, оглушительно свистя в найденную трубку. На мгновение у всех заложило уши, Мишке дольше других пришлось мотать головой, приходя в себя.

А когда очухался, удивленно спросил:

- Э! А свисток где?

Он растерянно посмотрел под ноги.

- Пропала твоя дудка, - строго сказала незнакомка. - Не простой он, зачарованный...

Мишка недоверчиво фыркнул и снова шагнул в кусты.

Маша удивленно обернулась к женщине:

- Так вы по-русски умеете говорить?

- Это вы по-нашему говорить стали, - строго ответила женщина. - Я ж говорю: зачарованная дудка была!

И, не дав Маше опомниться, спросила:

- Как звать-то?

- Маша.

- Я Прасковья. А мужа твоего как кличут?

- Кого? - изумилась Маша. - Какой муж, мне тринадцать лет!

- Ну да, ну да... - запричитала женщина, - поздновато, но ты девка хороша, может, еще кто и возьмет. У нас женихи есть, ты скажи брату...

Маша с изумлением обнаружила, что кровь остановилась, а по натертым ступням разливается блаженная свежесть.

- Было мне видение, что я в лесу чудо встречу, - бормотала травница, - чем ты не чудо? Пойдем, я тебя не брошу, у меня переночуешь. И брата зови.

И проворно стала пробираться через лес.

* * *

Маша тихо семенила рядом с новой знакомой, а Мишка шел чуть сзади, злился, и бурчал, что идут они неизвестно куда вместо того, чтоб спросить, где тут ближайший телефон. Прасковья косилась на него то ли с испугом, то ли с завистью.

По дороге она наклонилась к Маше и прошептала:

- А ладный у тебя брат. Кожа белая, зубы ровные...

Мишку чуть не перекосило от такого комплимента. Кожа, и правда, у него редко загорала, обычно сразу облезала после первого часа на пляже. А зубы... Зубы - это заслуга тети Тамары, маминой подруги. Всю зиму провел у нее в стоматологическом кресле. Оно не больно, конечно, но все равно противно, когда в твоём онемевшем от анестезии рту кто-то ковыряется. А тетя Тамара еще приговаривала: «Ничего, зато девчонки заглядываться будут». Накаркала.

И тут, в тон Мишкиным мыслям, Прасковья заявила:

- Была бы я помоложе... эх...

И сказано было вроде как Маше, и не досказано до конца, но Мишку в жар бросило от мысли, что какая-то старуха положила на него глаз. Машу это тоже смутило, и она уточнила:

- А вам сколько?

Их проводница безнадежно махнула рукой:

- Да уж все два с половиной десятка...

Маша решила, что это такая шутка, и вежливо хихикнула. Но это, кажется, не порадовало Прасковью, потому что она мрачно добавила:

- Двух мужиков поховала, а третьему не быти...

Она ввела их в дом. Сильно скособоченная, избушка щурилась на мир крохотными мутными оконцами. Тем не менее хозяйка гордо заявила:

- Вот, тута...

И прямо с порога принялась ловко топить печку, бормоча себе под нос:

- Не зябко оно... да вишь девка какая мерзлячая...

Маша уже собиралась насладиться мягким теплом печки, но дым почему-то повалил прямо в избушку. Девочка бросилась наружу, кашляя и обливаясь слезами. Мишка задержался чуть дольше - просто из принципа. Этих двух секунд ему хватило, чтобы заметить полное отсутствие дымохода. Выскочив наружу, он протер кулаками глаза и внимательно осмотрел крышу. Трубы не было.

- Я все понял, - сказал Мишка гордо.

Правда, из-за распухшего носа получилось не столько гордо, сколько жалобно. Маша

хмыкнула.

- Да? И где мы?

- Где, не знаю. Но знаю, у кого.

Мишка выдержал паузу - не для пушного эффекта, а чтобы оглушительно чихнуть, - после чего продолжил:

- Это ролевики.

Маша недоверчиво покосилась на домики. У нее были знакомые толкиенисты, она знала даже одного парня, который сам плел кольчуги, но до такого натурализма они никогда не доходили.

- Нет, - замотала она головой, - это уж как-то совсем круто...

- Круто, - согласился Мишка. - Фанаты. Одежда, мебель, дома - все ауто... как его... короче, как тогда было.

- А мы как тут оказались? - поинтересовалась Маша. - Мы же возле Кремля были!

Мишка выразительно посмотрел на блондинку. Он хотел этим взглядом сказать: «Я что, во всем должен один разбираться?! Сама пошевели извилинами», - но Маша его не поняла. Она продолжала смотреть на него требовательно и нетерпеливо.

- Не знаю! - не выдержал Мишка. - Сейчас спросим!

Очень кстати у избушки возник мальчонка лет пяти.

Сначала он вылупился на Мишу, икнул от страха, потом так же уставился на Машу. Присутствие девушки мальчика немного успокоило, и он поклонился ей в ноги.

Маша нервно хихикнула.

- Э, пацан, - начал Мишка, - хватит. Слышь, мы тут заблудились, скажи, как до Москвы доехать.

Мальчик икнул еще раз и затрясся.

Маша подошла к нему, уселась на корточки и тихо попросила:

- Слушай, ты очень круто играешь. Но мы тут, правда, случайно. Скажи, где вы машину оставили. Где дорога?

Мальчик смотрел прямо в глаза Маше, но в них не отражалось ничего, кроме благоговения.

- Ты можешь говорить? - спросила Маша и повернулась к Мише: - Он немой, похоже.

И тут «немой» мальчик заголосил. Из длинной речи удалось вычленить только «Прасковья», все остальное слилось в едином потоке звуков.

Травница выскочила из хатки, схватила туесок и кивнула Маше.

- Пойдем пособишь.

- Куда?
- К Пелагее.
- Зачем?
- Идем, - шепнул Миша, - может, там кого встретим.
- Ты - нет, - отрезала Прасковья и решительным шагом пошла за мальчишкой, который шустро бежал между деревьями.

Миша выразительно развел руками и уселся на бревно. Маша потащилась следом за травницей.

Оказывается, совсем недалеко была деревня. Если, конечно, можно назвать деревней эти вросшие в землю крохотные домики.

Сначала Маша глазела по сторонам, потом опустила глаза вниз и быстро семенила за Прасковьей, потому что с каждой минутой ей становилось все страшнее. Эти ролевики явно безумны! Натурализм натурализмом, но есть же какие-то пределы! Главное - дети, сами-то ладно, но детей жалко. Эти странные чумазые существа, одетые в длинные рубахи... Босые, замерзшие!

- Пришли, - Прасковья свернула во двор и споро занырнула внутрь дома.

Маша протиснулась в избу, согнувшись в три погибели. Темно. Душно. Воздух спертый, влажный, жаркий.

Пока Машины глаза привыкали к мраку, а сама она боролась с тошнотой, Прасковья успела разложить на столе свои корешки.

- Если не родит до ночи - помрет, - спокойно сказала она.

- Что? - подскочила Маша.

- Пелагея. Уже два дня мучается.

- Где? - тупо спросила Маша.

Из груды тряпья в углу раздался нехороший стон.

Машу прошиб холодный пот.

- Вы что тут, совсем с ума посходили? Вызывайте «скорую» немедленно! Где телефон?

- Тихо, - сказала Прасковья, - мудрено говоришь, не разумею.

- Да хватит прикидываться! А если она умрет?..

- Значит, так тому и быть, - прошептала Прасковья.

Маша вылетела из избы, вляпалась в грязь по колено, шуганула курицу. В самой грязище, посередь двора сидел мальчишка, который прибежал и привел их сюда, он держал на руках

совсем мелкого ребенка.

- Ты руки когда мыл? - не удержалась Маша. - Что ты ему пальцы в рот суешь?

Мальчик шмыгнул носом.

Больше всего Маше хотелось сбежать отсюда, но она не смогла придумать куда. В хату заходить было страшно до дрожи, но и бросить их всех тут уже тоже было невозможно.

- Вернусь домой, все расскажу маме, - прошептала Маша. - Она - врач. Она приедет и во всем разберется. И детей этих мы отмоём, и все будет хорошо...

Из избы раздался вопль.

Маша вздрогнула, но ноги сами понесли ее внутрь. Как ни странно, внутри уже довольно приятно пахло травками.

- Воды принеси! - не оборачиваясь, приказала Прасковья, не отходя от роженицы.

Маша опять вышла во двор.

- Где вода? - медленно спросила Маша у мальчишки, - Ко-ло-дец? Реч-ка? Во-да?

Мальчик вскочил, положил малыша на травку, сгонял за дом, принес две деревянные емкости, типа вёдра, и шустро побежал с одним по улице. Маша с большим трудом успевала за ним с пустым ведром, а уж с полным... Вернулись во двор, мальчишка подхватил малыша, который успел заползти в грязь, пока они ходили, и уселся на прежнее место во дворе.

Наверное, от обморока Машу спасло только то, что в хате было темно. Потому что одно дело смотреть по телевизору, как доктор в белом халате кричит: «Тужься!» и туча медсестер суетится вокруг, и совсем другое, когда вот так, в грязи, в тряпье. Хорошо, что с появлением травницы все пошло очень быстро, буквально через несколько минут после того, как принесли воду, Прасковья плюхнула Маше на руки крохотного красного вопящего детеныша.

- Обмой! - приказала она.

Маша чуть не упала второй раз. Но, подчиняясь властному голосу травницы, дрожащими руками стала вытирать ребенка маленькой тряпицей. Руки не слушались, новорожденная девочка орала.

- Сразу видно, что не рожамши, - забурчала Прасковья, взяла малышку, шустро обтерла ее, завернула. - Зато теперь точно в девках не засидишься! У нас кто немовлятку в руки взял - скоро рожают. И малую мы в честь тебя назовем - Марией, да, Пелагея?

- Как скажешь, Прасковья, - зашелестела из угла молодая мать.

- Отнеси ей ребенка, - опять приказала Прасковья и вышла из хаты.

Маша на негнущихся ногах подошла к женщине и положила ребенка рядом с ней.

- Не тутошняя? - спросила та.

Маша кивнула.

- Красивая... - завистливо сказала Пелагея. - Я тоже была ничаво.
- А сколько вам лет? - не удержалась Маша.
- В дюжину замуж выдали, да трое деток уже, еще двое померли... Вот и считай.
- Ты что, каждый год рожает? - прошептала Маша.
- А как? - изумилась Пелагея. - Чай, не порчена.

Маша мысленно представила себе их десятый класс. Всех этих покрашенных, начесанных, с маникюром и педикюром, гламурных девушек. Вроде те же семнадцать лет, но с тремя детьми их образ никак не связывался.

- Во дворе твои дети? - спросила Маша.
- Мои, а чьи ж еще?

Пелагея шустро приладила к груди малышку, которая радостно зачмокала.

- Может, их покормить? - спросила Маша.
- Да че их кормить, Миколка покормится, большой уже. А завтра мужики вернутся с охоты, так я уж и встану.

Не зная, что еще предложить, Маша вышла во двор и обнаружила, что «большой» Миколка доит козу, а малыш радостно дергает ее за хвост.

«Это не ролевики! - поняла Маша. - Это какая-то секта!»

- Идем, - дернула Машу за рукав Прасковья и засемила к своему дому.

После Пелагеиных хором у Прасковьи казалось просторно, почти чисто и светло. Маша устало опустилась на скамью и уронила голову на руки.

- Ну что, - пристал Мишка, - нашла кого-нибудь? Где телефон?
- Миш, все плохо, - прошептала Маша.
- Слушай, а поесть тут где-нибудь можно, а? Может, кафе?
- Иди козу подои...
- Чего? - воскликнул Мишка.

- Миша, все плохо... Ты б видел эту деревню. Похоже, что мы попали в доисторические времена!

Маша с трудом подняла голову и мутным взглядом оглядела дом.

- Голова болит, - пожаловалась она.
- Да у тебя температура! - воскликнул Мишка. - Ты чего, простудилась, что ли? Вот бестолковая... Ладно, сиди, я пойду у этой... Прасковьи аспирин попрошу.

- Аспирин? - не без иронии спросила Маша.

Потом вспомнила грязные тряпки вокруг роженицы и разрыдалась.

* * *

Потом Маша помнила, что травница поила ее настоем своих корешков, помнила, что просыпалась несколько раз, но не могла поднять голову от подушки. Подушка была жесткая, колючая и очень вкусно пахла сеном. И снился Маше чудесный вид: холм, поросший дубами, две речки, сливаясь у подножья холма, блестят на солнце. И казалось, что нужно понять что-то важное... «Вот вспомню, что это, и сразу все пойму!» - решила Маша и открыла глаза.

Голова не болела. Маша аккуратно села на лавке. Даже слабости почти не было. Она вышла во двор и остановилась, щурясь на солнце.

- Проснулась, - сказала Прасковья, - вот и ладно. Я ж говорила - не помрет. А я ж знаю, когда помрет, а когда нет. Я спрашивала у них (выразительный кивок вверх), мне сказали, отойдет через тыщу лет. А брат тебе не брат - мне так сказали. И не муж. Я б его приворожила, да вижу, что не любя ему. А насилу не люблю - неправильно это.

- А где он? - спросила Маша.

- Да пошел с мужиками. Мужики сказали: раз живет, пусть работает. У нас все работают. Станный он у тебя. Я думала, бесноватый, - не, не бесноватый. Только как безрукий. Видно, издалече вы пришли, у нас такие не выживают.

- Да уж... - хмыкнула Маша. - Мы тоже, похоже, не выживем.

Вечером появился Мишка. Руки содраны, весь в синяках. Сказал, что рубили деревья. Рассказал, что чудом не убило. Заснул, пока рассказывал.

Прасковья смотрела на него с сожалением:

- Такой красивый, но такой дохлый. Будешь любить - задушишь ненароком.

Среди ночи Машу поднял дикий шепот.

- Слышь, вставай! Надо литься отсюда! Пойдем на реку, а? Вещи свои заберем, искупаемся...

Маша тупо, как сова, хлопала на Мишку глазами.

- Зачем искупаемся? Холодно...

- Вот тупая! - Мишка с трудом сдержался, чтобы не повысить голос. - Если мы еще раз искупаемся, может, мы домой попадем! Как в том кино... не помню сейчас... Короче, пойдем, вставай, ну что ты разлеглась!

Маша поднялась, и ребята постарались тихонько улизнуть из избы.

- Я вчера с мужиками поговорить пытался, - шептал Миша. - Они ненормальные! У меня собака разговорчивее! А этот берет бревно и молча кидает! Я типа его ловить должен! Да я его не подниму в жизни! Чуть не убил, гад...

На берег пришли в кромешной темноте.

Вещей своих найти не смогли, но Мишка только прошипел: «Да и хрен с ними!», после чего бодро разделся и ломанулся в воду. Быстро выскочил, стуча зубами от холода.

Городовой не появился.

Тогда, честно повернувшись друг к другу спиной, ребята залезли в воду вместе.

- У меня точно воспаление легких будет, - простучала зубами Маша.

Городовой не появился и теперь. И спустя два часа Миша с Машей вернулись к домику травницы.

- Зря мы в реку полезли, - зло прошипел Мишка, укладываясь спать на лавке.

- Ты ж сам предложил! - возмутилась Маша.

- И что? А ты не могла подумать? Ты вообще сама что-нибудь придумать можешь? Валяешься тут, типа болеешь, а я работать должен!

Маша, решив не связываться, отвернулась к стене.

- Я понял, - сообщил Мишка через пару минут, - эта река с наркотиками. И все они тут такие... обдолбанные живут.

Маша не ответила. Сжавшись в комочек, она заснула.

На рассвете их разбудили голоса.

- Я не пойду с ними, - Мишка со стоном закатился под лавку. - Иди скажи им, что я заболел и умер.

- Раз в жизни тебя заставили что-то сделать, и ты тут же умер, - хмыкнула Маша. - Хлюпик, как и все...

Девочка вышла из избы и тут же попала под натиск Прасковьи.

- Что ж вы не сказали, что с Вещуном знаете, а? Мне ж можно было и сказать! Он за вами пришел.

Если б не глаза, Маша никогда бы не узнала в этом бородатом старичке статного Городового. У нее перехватило дыхание, и она кинулась ему в ноги.

- Встань, встань, девка, - грудным голосом пропел «вещун» и тут же зашипел Маше на ухо: - Я ж вам сказал на месте стоять, куда вас понесло? Если б сегодня утром не увидел примятую траву у реки, в жизни б вас не нашел! Делать мне больше нечего, только бегать искать вас!

- Прости, - выдохнула Маша.

- Зови парня своего его и пошли в лес! Поговорим спокойно.

* * *

Поговорить спокойно не вышло. Мишка постоянно хамил Городовому, а Маша хамила Мише. Городовой скоро вышел из себя и даже легонько стукнул слушателей по головам палкой, на

которую опирался – сначала Мишку, потом Машу.

Они сразу притихли: Мишка от возмущения, Маша от неожиданности. Даже в этом странном месте на нее ни разу не подняли руку.

- Повторяю в последний раз, – сурово произнес Городовой. – Вас занесло на тысячу лет назад.

Мишка попытался открыть рот, но получил короткую оплеуху, которая заставила его щелкнуть зубами.

- Потому что не надо было историю дразнить, – ответил Городовой на незаданный вопрос, – она очень капризная особа! Да еще в таком месте...

Тут Маша встревожилась:

- А в каком месте? Нас и во времени, и в пространстве сдвинуло, да? А куда? А почему в том месте нельзя было про историю плохо говорить?..

Городовой многообещающе поднял посох. Маша прикусила язык.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Вам может показаться, что наши герои перенеслись не только во времени, но и в пространстве. Действительно, только что они были в Александровском саду – и вдруг оказались в какой-то речке! На самом деле в пространстве Маша с Мишкой совсем не переместились. Просто тысячу лет назад там, где сегодня Александровский сад, протекала река Неглинная (или Неглинка). В нее наши путешественники по времени и угодили. Кстати, еще двести лет назад Неглинка текла по поверхности, только в 1817–1819 годах ее упрятали в подземный коллектор.

- Про историю нигде нельзя плохо говорить, ясно? – значительно произнес Городовой.

Маша кивнула. Мишка скривился.

- А то место – особенное. Вы, кстати, в нем до сих пор, так что...

Городовой значительно погрозил пальцем.

- Это что – Москва? – ахнула Маша.

Мишка иронично осмотрелся.

- А чего, – сказал он, – нормальная такая Москва. Ни пробок, ни террористов...

Городовой внимательно смотрел на собеседников, и не думая отвечать. Казалось, он ждал от них чего-то.

- Подожди, дай подумать, – Маша схватила себя за щеки, видимо, чтобы лучше думать.

Как назло, сосредоточиться ей не дал далекий монотонный звук – как будто кто-то стучал деревяшкой по рельсу. Хотя откуда тут взяться рельсу?

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Мы привыкли, что в Москве постоянно звонят колокола, но так было

не всегда. Русские колокольные мастера появились только в XII веке, но их было очень мало, и в русских церквях вместо колоколов служили била – металлические или деревянные доски, в которые били колотушками. Похожим образом были устроены и клепала.

Мишка неожиданно заметил, что Маша уже не блондинка. От грязи волосы стали неопределенного землистого цвета, как и у большинства местных жителей.

- Москва основана в 1147 году, – медленно произнесла Маша. – А мы сейчас в...

- На сто лет раньше, – вставил Мишка. – Даже больше. Тут вообще ничего быть не должно.

Он хотел было отпустить издевательское замечание по этому поводу, но не успел.

- Стоп, – сказала Маша, – Москва не в 1147 была основана...

- А в каком? – возмутился Миша. – Эту дату все знают! В 1147 году...

- ...Москву впервые упомянули! – торжествуя перебила его Машка. – Значит, основали раньше!

И тут произошло странное. Листья на деревьях резко пожелтели и покраснели, солнце оказалось за тяжелыми тучами, а неприятный холодный ветер бросил в лицо обрывки паутины.

Мишка и Маша синхронно поежились.

- Это что? – жалобно спросила Маша.

- Осень! – торжествуя пояснил Городовой.

Он прямо светился от удовольствия.

- Так весна же была? – не понял Мишка. – Или нас опять... перенесло?

Городовой довольно кивнул.

- За что? – возмутилась Маша. – Мы разве историю обидели? Мы же наоборот...

- Так и она наоборот, – Городовой явно приготовился к новому рассказу, но вдруг дернулся и заорал: – Я тебе выстрелю, собака!..

После чего исчез.

Глава 2. Легенда о трехглавом псе

Вернуться к жилью Маша согласилась только после долгих уговоров.

- Мы уже один раз не стали его ждать! - заявила она. - И потом вон сколько намучились!

- Так в тот раз он нам приказал ждать, - терпеливо уговаривал Мишка. - А сейчас нет. Значит, сейчас не надо.

Но Маша только упрямо мотала головой. Пришлось прибегнуть к запрещенному приему. Мишка пожал плечами и заявил:

- Ладно, оставайся. Я пошел.

Он старался идти помедленнее. Все-таки Машка единственный человек, на которого он может тут рассчитывать. Но уж очень хотелось разобраться, куда их на сей раз занесло.

Маша догнала его на опушке.

- Дурак ты и эгоист! - заявила она. - Если что - ты будешь отвечать!

- Как будто до этого ты отвечала, - привычно огрызнулся Мишка.

Как ни стыдно было в этом признаваться, но он боялся, что Маша за ним не пойдет.

В тумане они брели по невесть откуда взявшейся дороге. Впрочем, как дороге... просто вытоптанная полоса земли.

Вдали послышался топот копыт.

- Тихо! - скомандовал Мишка. - Давай спрячемся на всякий случай.

Видимо, звуки в тумане разносились очень далеко, ребята в очередной раз продрогли до костей, пока дождались, что звуки материализовались.

Группа людей на конях, гремя мечами, щитами и кольчугами, показалась за поворотом дороги. В центре группы выделялся один, явно главный.

Ехал он, развалиясь в седле, о чем-то неспешно беседуя с кряжистым воином. Вдруг из тумана выскочило странное существо – трехголовая собака, которая с заливистым лаем бросилась чуть не под ноги лошади «главного». От испуга лошадь пошла галопом, унося его прочь от чудного зверя. Остальные, видно, не разобрав, в чем дело, припустили за предводителем. Поэтому никто из них не увидел, как развеялся туман и трехголовый пес оказался просто тремя собаками: одной крупной и двумя мелкими.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Согласно легенде, князь Юрий Долгорукий ехал из Киева во Владимир. Посреди болота он увидел «огромного чудного зверя. Было у зверя три головы и шерсть пестрая многих цветов... Явившись людям, чудесный зверь затем растаял, исчез, словно туман утренний». Греческий философ на вопрос Юрия о значении видения сказал, что в этих местах «встанет град превелик треуголен, и распространится вокруг него царство великое. А пестрота шкуры звериной значит, что сойдутся сюда люди всех племен и народов». Князь поехал дальше и увидел город Москву, бывшую во владении боярина Кучки.

Когда топот копыт, понукание всадников и лай испуганных собак затихли, Маша и Миша вылезли из кустов, синхронно пожали плечами и отправились догонять процессию.

Деревня выглядела почти так же, как и весной. Дом Прасковьи стоял на том же месте, но само место было малоузнаваемо: не стало огромного дуба рядом с домом, не стало корявой березы. Зато справа от дома появилась целая дубовая роща, а слева пристройка – то ли сарай, то ли хлев.

- Прасковья! – тихонько позвала Маша, увидев сгорбленную фигурку, копошившуюся в земле.

Фигурка выпрямилась и вперила в Машу цепкий, внимательный взгляд. Взгляд был кусучий. Маше показалось, что ее мозг полностью отсканировали.

- Померла Прасковья, – скрипуче ответила женщина.

Маша ахнула и закрыла рот рукой.

- Дюже давно померла, – добавила старуха, – моя бабка ее хоронила.

Тут Маша даже ахнуть не смогла, только хлопала глазами и пыталась понять хоть что-нибудь.

- Я – Фёкла, – скрипнула старуха еще раз, продолжая буравить гостей цепким взглядом. – Давненько Прасковью не искали, а раньше к ней шли что хромой, что слепой. Многих исцелила.

Бабка еще раз внимательно осмотрела Машу с ног до головы.

- Что ж тебя привело, красавица? – спросила она. – Хворей у тебя нет. На лицо красива. Ко мне такие редко захаживают. Замуж хочешь?

- Домой хочу! – ляпнула Маша.

- Домой... – Фёкла задумчиво посмотрела в небо. – Говорят, здесь твой дом, но идти тебе далече.

- Это как? - спросил Мишка.

Фекла пожала плечами.

- Мне говорят, я повторяю, - сказала она.

- А где мы? - спросил Мишка.

- Да в Кучково, - бросила через плечо Фекла. - Мне говорят, я должна вас приютить. Затирка в печке, хотите - ешьте. А я пойду, там князь с дружиной пожаловал, поглядеть на него хочу.

- Ну вот, ни в какой мы не в Москве, мы в Кучково! - прошептал Мишка. - Я понял! Передачу «Розыгрыш» смотрела? Нас просто разыгрывают! Интересно, кто ж это столько бабла заплатил за инсценировку? И как они так быстро успели здесь все перестроить?

- Ты умный, - вдруг проскрипела Фекла, - но говорят, что дурак!

Маша нервно хихикнула.

- А кто вам все это говорит? - спросила она.

Фекла выразительно посмотрела на небо.

- Прасковья с ними балакала, она научила мою бабу, та меня. Мне говорят, я должна идти.

- Можно с вами? - спросила Маша.

- Можно, - ответила Фекла, - ежели молча. Скажу, мол, божьи странники, скажу - обет молчания у них. Слово скажете непонятное - убить могут. Идете?

Миша скривился, а Маша быстро кивнула. Фекла на удивление резво пошла по дорожке в сторону деревни.

Деревня изменилась. Стала заметно больше, ее огораживал деревянный забор с высокими воротами. Появилось несколько строений, напоминающих дома, а не развалюхи. Во дворе одного из них расположилась княжья дружина - там ржали кони, за столами на грубых деревянных лавках сидели воины и шумно жрали. Зрелище это было настолько завораживающе неэстетичное, что Миша и Маша застыли с разинутыми ртами.

Вокруг двора, где пиновала дружина, собралась, похоже, вся деревня. Дети сидели в первых рядах, бабы и мужики стояли поодаль.

Все были так поглощены зрелищем, что на незнакомцев никто не обратил внимания, зря Фекла за них опасалась.

Вблизи «главный» воин, которого называли князем, оказался совсем несимпатичным: бледный, с маленькими глазками и огромным кривым носом, он хмуро исподлобья смотрел в одну точку.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Мы не знаем точно, как выглядел Юрий Долгорукий. До наших дней дошло всего несколько очень приблизительных портретов. Но почему-то этот князь видится нам таким...

- Плохой знак! - изрек он. - Не к добру...

Тут же рядом с князем возникла девушка, которая, низко кланяясь и пряча глаза, поставила перед ним огромный кувшин.

Князь хлебнул, задумался и внимательно осмотрел местных жителей, цепляя глазами молодых.

- Или к добру? - то ли спросил, то ли констатировал он.

Потом хлебнул еще, шумно отрыгнул и вытер рот рукавом.

- Что скажет мой волхв? Где он?

На другом конце стола странный человек с точеными чертами лица, который до обращения князя интересовался исключительно девицей, разносившей кувшины, вздрогнул, закатил глаза и изрек:

- Будет тут город заложен! Огромный.

- Какой, к бесу, город? - поморщился князь. - Ты мне про пса трехголового расскажи.

- Так я про него и говорю, - продолжил предсказатель, - три головы означает, что город будет треугольный.

- М-да? - с сомнением спросил князь. - А еще плешивый и разноцветный.

- Нет, - быстро нашелся предсказатель. - Масть у пса такая была, а это значит, что сойдутся в этом городе разные люди со всех концов земли.

- Складно брешешь, - вздохнул князь и загрустил. - Но зачем тут город, а? Местечко, конечно, неплохое, реки сливаются, но чтоб прямо что-то тут строить...

Где-то снаружи ударил надтреснутый колокол - негромко, словно стесняясь привлечь к себе внимание в присутствии великого князя.

Это, видимо, был сигнал для молодежи с кувшином, которая подскочила к столу и пропела:

- Князюшка светлый, Юрий Владимирович, изволь в терем пройти, уж к вечерне зазвонили, а ты, поди, устал с дороги.

- И то верно, - изрек князь, - чего ж не отдохнуть.

- Юрий? - ахнула Маша. - Потом испугалась, зажала рот рукой и зашептала Мише на ухо: - Юрий Владимирович? Долгорукий! Как же я сразу не догадалась, я ж читала про трехголового пса. Это легенда такая...

В ту же секунду задул ледяной ветер, листья на деревьях пропали, обнажив голые ветки, картинка перед глазами поплыла и сместилась.

Миша и Маша оказались на большом дворе. Перед глазами у них стоял терем, из которого раздавались бодрые звуки пира. Посреди двора в большой деревянной клетке спал огромный барс.

- Что опять случилось? - запаниковал Мишка. - Голова кружится! Нас куда-то перекинуло?

Маша взяла инициативу в свои руки и потащила его к сараюхе, стоявшей поблизости. Впихнула внутрь, залезла сама, захлопнула за собой дверь. Внутри было тихо.

- Надо подумать, - сказала Маша.

- Ну-ну, думай, мыслитель, - фыркнул Мишка.

Пару минут Маша сидела, уткнувшись взглядом в одну точку.

- Это не игра, - сказала она, - так быстро декорации никто не сменит. Это не наркотики - мы уже давно ничего не ели.

Подтверждая это, в Мишкином животе угрожающе забурчало.

- Может, нам газ подпускают, типа наркоза? - предположила Маша.

- На свежем воздухе? - с сомнением спросил Мишка.

- Городовой говорил, помнишь? - спросила Маша. - Что нас история не наказывает, а наоборот.

- Не помню, - буркнул Мишка. - Я его не слушал. Если ему верить, то мы в какой-то глубокой древности.

- Миш, - всхлипнула Маша спустя пару минут раздумий, - но ведь это очень похоже на правду. Одежда, дома, люди вокруг... Я никогда не думала, что Долгорукий мог быть такой...

- Да я вообще про него никогда не думал! - взорвался Мишка. - Делать мне больше нечего, только про него думать!

- Я думала, что князь - это князь, - продолжала Маша, - высокий такой, красивый, благородный...

- Ты, правда, думаешь, что это Долгорукий? - спросил Мишка. - Бред!

- У тебя есть другие версии? - съехидничала Машка.

- Сейчас будут!

Мишка решительно встал, огляделся, подобрал с пола несколько камней и толкнул ногой дверь сарая.

- Сейчас я им устрою! - заявил он. - Будут знать, как меня разыгрывать!

Мишка широким шагом отправился к терему. За ним, обмирая от ужаса, бежала Маша. Мишка шел на звуки, туда, где гудела пирушка.

- Посмотри на этих лохов, у них даже охраны на дверях нет, - с этими словами Мишка пнул дверь и вошел в зал.

На крестьянина-отрока никто из сидящих за столом не обратил внимания, все продолжали жрать, пить и петь как ни в чем не бывало. Мишка осмотрелся.

- Вон он, твой князь, - хмыкнул он и через весь зал отправился к нему.

- Ну что, типа Долгорукий, - громко заявил Мишка, - хватит тут представление устраивать, домой всем пора.

За столом потихоньку устанавливалось нехорошее молчание.

- Ну что вылупились? - продолжал Мишка. - Все, гейм ова, все домой!

И Мишка запустил камушком в князя. Камень попал в железную бляшку на его груди, звякнул и в полной тишине отскочил на стол.

- Ааааа!.. - взревел стол.

Через секунду все столы были перевернуты, Мишка лежал мордой в пол, а над ним стоял десяток мужиков с обнаженными мечами.

Еще через секунду пространство подернулось рябью, все застыло и в комнате возник Городовой.

- Вставай! - крикнул он Мишке, и начал помогать ему вылезать из под кучи-малы. - У нас есть пять минут, больше я не продержу.

- Что не продержишь? Что случилось? Они спят? Ты запустил газ? Где мы? - выпалила Маша.

- Я остановил время, - ответил Городовой. - А вы вне времени, поэтому вам все равно. Вылез? Я отматываю на полчаса назад.

Машу опять замутило, потому что пространство отчетливо закачалось, завертелось и... ребята оказались в сарае. Только с одним отличием - рядом с ними, согнувшись в три погибели, сидел Городовой.

- Где мы? - спросила Маша.

- В сарае, - ответил Городовой, попытался выпрямиться и треснулся головой о крышу.

- Зачем ты меня спас? - спросил Миша.

- Я не тебя спас, - сказал Городовой, - а историю. Я - страж времени.

- Но ты же Мишку вытащил, а не историю, - подала голос Маша.

- Ну да, ну да, - сказал Городовой, - но после такого наглого покушения Долгорукий бы решил, что это место проклято, развернулся бы и уехал. И кровная месть на пару веков, потому что он решит, что это кто-то из своих напал. И никакой Москвы еще лет пятьсот. А этого я допустить никак не могу. - Городовой вздохнул и развел руками. - Такая вот у меня работа.

- Отпустите нас домой! - попросила Маша.

- Не могу, - сказал Городовой, - не в моих силах.

Только Маша собралась что-то еще спросить, как Городовой скорбно спросил:

- Да что ж за день сегодня, а? - свистнул и исчез.

После пережитого шока ребята досидели в сарае до позднего вечера.

Мишка истерил, матерился и кричал, что все равно папа придет и во всем разберется.

- А без папы ты вообще что-нибудь можешь? Что ты ноешь, как девчонка? - не выдержала Маша.

- А сама кто? Мальчишка?

- Я не ною. Я пытаюсь думать.

- Ой-ой-ой... Надумала уже. Толку от твоих думаний! Делать что-то надо. Выбираться отсюда надо.

- Ну так выбирайся, что ты орешь.

- То есть ты рассчитываешь, что я все сделаю...

- Я на тебя не рассчитываю, - перебила его Маша. - На мужиков вообще рассчитывать нельзя. Вы только о себе думаете. А если что посерьезнее, ты просто сбежишь - и все.

Сказано это было так буднично, что Мишка даже не смог оскорбиться.

И только когда все уgomонились, путешественники по времени тихонько вылезли, поминутно оглядываясь и прислушиваясь, выбежали с князьего двора и рванули в лес. Там с большим трудом разыскали избушку Прасковьи-Феклы, благо ночь была лунная, светлая. Забились внутрь и, к собственному изумлению, заснули. Прямо сидя в углу, под мерный храп старухи.

* * *

Фекла растолкала их на рассвете. Гости проснулись со стонами - от сна вповалку все затекло и ныло. Ни о чем не спрашивая, хозяйка поставила перед ними грубую миску с затиркой, из которой торчали две темные деревянные ложки. Еда выглядела не слишком аппетитно, но есть хотелось сильно. А может, просто Мишка с Машей стали привыкать к этому странному миру - на еду набросились с жадностью. И даже отсутствие соли не испортило им аппетит.

- Зря мы вчера от затирки отказались, - сказал Мишка, облизывая ложку.

- Вчера? - Маша с сомнением покосилась на оконце.

Даже сквозь мутный бычий пузырь было видно, что на улице никак не осень. Скорее всего - весна.

- Ладно, - Мишка положил чисто вылизанную ложку в пустую миску, - будем считать, что никакого газа нет. Допустим, Городовой не врет. Мы в прошлом.

Маша с готовностью кивнула и приготовилась выслушать дальнейшие рассуждения. Но с дальнейшими рассуждениями у Мишки как-то не заладилось. Он поскреб зудящую шею, подумал: «Хоть бы искупаться, что ли?» и решительно встал:

- Пойдем?

Но Маша только крепче взялась за скамью.

- Опять пойдем? Чтобы нас опять куда-нибудь занесло?

Мишка почувствовал глухое раздражение. Хорошо, что тяжесть в желудке действовала успокаивающе. Мишка вздохнул и снова сел:

- Допустим, нас занесет еще куда-нибудь...

Маша, которую затирка только взбодрила, тут же продолжила:

- ...ты опять вляпаешься во что-нибудь, только Городового рядом не будет, и нас убьют! Или еще чего похуже.

Мишка не стал выяснять, что еще похуже может быть, только покорно сказал:

- Ладно, сидим тут. И чего ждем?

Маша растерялась. Она собиралась опровергать всякие глупости, которые предложит ее товарищ по несчастью, а не предлагать свои варианты.

- Ну не знаю. Ждем Городового!

- А смысл? Он же сам сказал, что не сможет нас вернуть.

Маша насупилась, но спорить не стала.

- И вообще, - Мишка развивал успех, - я обещаю никуда не лезть. Даже если нас перебросит.

Неожиданно Маша вскочила с посветлевшим лицом.

- Точно! Никуда не лезь и про историю ничего плохого не говори! Пойдем!

Подробности чудесного преображения Маши пришлось выпытывать на ходу. Оказывается, она просто сообразила, что после первого раза их все время перебрасывало вперед во времени. А первый раз Мишка ругал историю - поэтому их назад и отбросило.

- ...А если не ругать, - закончила Маша, - то все время вперед переносит, ясно?

И остановилась в нескольких шагах от терема, в котором недавно пировал Долгорукий с дружиной.

- Неясно, - ответил Мишка.

- Что тебе неясно?

- Две вещи. Первая - что мы тут делаем...

Маша возмущенно фыркнула.

- Прошлый раз нас отсюда вперед перебросило - и сейчас перебросит!

- Да? - ехидно усмехнулся Мишка. - А теперь вторая непонятная вещь. А с чего ты решила, что нас вообще будет перебрасывать?

Маша нахмурила лоб.

- Давай вспомним, - предложил Мишка, - что мы делали, когда нас вперед по времени перекидывало?

- Ничего... Болтали...

- О чем?

- Я про трехголового пса легенду вспомнила...

И тут их сзади схватили чьи-то цепкие пальцы. Мишка рванулся и смог освободиться. Он отскочил в сторону и развернулся, сжав кулаки. Маша даже не попыталась дернуться. Она с изумлением смотрела на напавшего.

- Вы волхв? - удивленно спросила она у остроскулого мужичонки, который все еще сжимал ее руку.

- Я не волхв, - хмуро ответил тот. - Волхвы все поганцы-язычники. Только светлейший князь так меня зовет. А я - божий человек.

Маша вспомнила, что им говорила Фекла.

- Мы тоже божьи люди! - с вызовом ответила она. - Мы будущее знаем!

«Божий человек» размахнулся с явным намерением отвесить оплеуху. И тут Машка с криком «кья» изо всех сил двинула его ногой по голени, а потом боднула. Прорицатель, не ожидавший такой наглости, выпустил пленницу и схватился за расквашенный нос. В этот момент Мишка, собиравшийся броситься наутек, чуть не налетел на выставленные пики.

Их окружили дружинники.

* * *

Князь изволил пребывать в отличном состоянии духа. Он от души хохотал, рассматривая перекошенный нос своего «волхва» и слушая сбивчивый доклад кряжистого бородача - судя по всему, какого-то начальника над воинами. Но когда воевода упомянул, что Машка назвалась божьим человеком, враз стал серьезным.

- Ты, девка, - нехорошо прищурился он, - юродивая?

- Мы не юродивые! - ответила Маша. - Мы божьи люди! Так что нас надо отпустить!

Прорицатель недовольно засопел, вытирая рукавом окровавленное лицо.

- Это я буду решать! - отрезал князь. - И что, божьи люди, в грядущем видите?

- Все! - Маша принялась перечислять. - Вы - Юрий Долгорукий, так?

Князь недовольно покосился на свои руки и даже убрал их под стол - хотя руки были как руки, не длиннее, чем у остальных.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Князя Юрия Владимировича при жизни не называли Долгоруким. Это прозвище впервые появилось только в письменных источниках XV века, то есть спустя триста лет после правления князя.

- Юрий Владимирович! - гнусаво поправил нахалку «волхв», но князь остановил его сердитым

жестом.

- И что? - подозрительно спросил он. - Что ты про мою судьбу видишь?

- Вы - основатель Москвы, - Маша закатила глаза к потолку, с трудом вспоминая уроки истории. - Вы будете жить долго и править тут...

Прогноз князю явно не понравился.

- Не тут, - рявкнул он, - а в стольном граде Киеве!

Маша побледнела. Мишка понял, что пора спасать ситуацию. Историю он помнил смутно, но как разговаривать с Долгоруким, кажется, уловил.

- Киев придет в упадок, - Мишка старался говорить со всем возможным почтением, - а Москва, наоборот, станет самым крутым городом...

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Во времена Долгорукого Киев все еще оставался самым главным городом на Руси. Княжить в нем - занять его «стол» - было мечтой любого князя, в жилах которого текла кровь Рюрика. Остальные не могли претендовать на столь великую честь. Лишь гораздо позже Киев «пришел в упадок», то есть перестал считаться главным городом Руси: сначала в 1252 году Александр Невский, получивший ярлык на «всю Русскую землю», перенес свою резиденцию во Владимир, а затем в 1299 году Киев покинул и митрополит всея Руси. С этого момента номинальный «центр земли Русской» переместился во Владимир. Кстати, все, что «предсказали» Маша и Мишка Юрию Владимировичу - правда.

- Крутым? - не понял воевода.

- Потому что на семи холмах, - подхватила Маша.

И дальше они с Мишкой в два голоса принялись расписывать, какой замечательный город будет заложен Долгоруким, какой памятник поставят посреди этого города, и монеты с портретом князя отчеканят, и вообще будут его чтить-почитать...

- А Киев, - упрямо спросил князь, - в Киеве я сяду?

И тут у Миши в памяти вдруг всплыл параграф из учебника истории.

- Точно! Вы завоюете Киев...

Тут бы ему и остановиться, увидев торжествующее лицо Долгорукого, но он по инерции выпалил:

- ...и вас там убьют!

Повисла нехорошая тишина. Дружинники, как по команде, взяли за рукояти мечей. Князь сидел, не шевелясь.

- Точно убьют?

- Кажется, - жалобно ответил Миша. - Вроде как отравят.

- Свои?

Долгорукий окинул присутствующих подозрительным взглядом, под которым все съежились. Подробностей смерти основателя Москвы Миша не помнил, но от греха подальше заявил:

- Нет, что вы! Киевляне!

Все, включая князя, облегченно выдохнули.

- Ладно, - решил он, - оставлю вас при себе.

- Так самозванцы это! - попытался спорить прорицатель, но Долгорукий отмахнулся.

- Ты иди умойся лучше! Были бы самозванцы, сказали бы, что до старости доживу... Накормить их!

Княжий предсказатель ушел с перекошенным от злобы лицом.

Мишу с Машей отвели в небольшие покои, в которых помещались только стол и длинные лавки. Стол заставлен тарелками с едой. Тарелки такие же, как у Феклы - деревянные. И даже погрознее.

- Ешьте! - объявил их конвоир и захлопнул дверь.

Мишка тут же схватил в руку кусок обжаренного мяса и начал его обгладывать.

- Всю жизнь мечтал так поесть, - прочавкал он, - дома ж не дают, достали уже со своими ножами-вилками. Эх, соли б еще!

Маша скромно грызла кусочек лепешки.

- Этот волхв нас убьет, - тихо сказала она, - мы заняли его место при князе.

- И что? - спросил Мишка, поискал взглядом салфетку и утерся рукавом. - Пойти к нему с повинной?

- Может, стоит с ним просто поговорить? - предложила Маша.

- О чем ты собираешься с ним разговаривать? Ты видела, как он на нас смотрел? Да он тебя по стенке размажет!

Маша пригорюнилась, но буквально на минутку.

- Давай вернемся к Фекле! - сказала она и вскочила.

- Зачем еще? - заныл Мишка, которому после сытного обеда было лень двигаться.

- Спросим у нее, что нам делать дальше. Она же с кем-то там постоянно разговаривает, может, ей подскажут...

Девочка вскочила и подбежала к двери.

- Выпустите нас, - заявила Маша стражнику, который перегородил ей дорогу.

- Нельзя, - отрезал часовой.

Маша удрученно села на место.

- Вот ничего без меня сделать не можешь, - сказал Мишка и встал. - Мы будущее видим, - сообщил Мишка стражнику, - вот я и вижу, что ты наспустишь, а тебе за это ничего не будет.

Воин завис наглухо, и пока он хлопал глазами, Миша с Машей успели проскочить мимо него за дверь.

- Могла б и спасибо сказать, - сказал Мишка, оскорбленный тем, что Маша не оценила его выдумку.

- За что? - отрезала девочка. - За то, что сбежать хотел, когда меня волхв схватил?

- Я за помощью хотел сходить! - крикнул Мишка.

- Ага, конечно!

Маша скользнула по Мише взглядом холодным и противным, как лягушка. И у него внутри стало так же холодно и противно. Ведь действительно сбежать хотел, что уж себя-то обманывать... Чтоб заглушить это противное чувство, Мишка принялся ругать все вокруг.

- Как они тут живут? - сказал он раздраженно. - В их двери только карлик пройдет, не треснувшись головой. И в каком веке, наконец, придумают туалеты?!

Фекла была у себя во дворе. Она сосредоточенно толкла в ступке что-то зеленое и довольно вонючее.

- Фекла, помогите нам, - с порога выпалила Маша. - Мне нужно знать что-нибудь про княжьего волхва.

- Не волхв он, - спокойно сказала Фекла, - он чужеземец, грек. Не понять ему нас.

- Но князь же ему верит... - расстроилась Маша.

- Мало ли кому он верит, - хмыкнула Фекла. - Недоброе у этого вещуна сердце. Если что - себя спасти будет, про других и не подумает. Все бросил, сюда за богатством подался, в сундуке уже много чего лежит...

- Понятно, такой же как все! - резюмировала Маша. - Спасибо за помощь.

- Да не за что, - прошептала Фекла, вываливая густую зеленую жижу в тряпицу. - Мне говорят, я уж с вами не увижусь. Но этот дом будет ждать вас. Ступайте с миром.

Маша и Миша почти бегом бросились обратно в терем князя.

- Слушай, и лапти уже не трут! - жизнерадостно сообщил Мишка.

Маша сосредоточенно шла, глядя себе под ноги.

- Только снизу под рубаху поддувает и помыться очень хочется! - добавил Мишка, - Интересно, они тут вообще не моются? И еще - а ты заметила, что тут детей нет? То есть совсем маленькие есть, а больших детей нет. Может, они все в школе?

- Какой школе, - отмахнулась Маша, - они в тринадцать лет уже замужем и детей рожают. А в семнадцать выглядят на сорок. Я как вспомню эти роды... - Маша содрогнулась. - Не буду вспоминать, - добавила она. - Всё, пришли.

- Ну и зачем мы сюда приперлись? - спросил Мишка.

- Не знаю. Но если мы с ним не поговорим, он нас придушит. Напугать его нужно. Только как?

Мишка угрюмо посмотрел на дверь. Вступать в разборки с волхвом очень не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Хотелось плюнуть на все и с криком: «Разбирайтесь сами!» гордо удалиться.

- Ладно, я пойду к нему, - сказала Маша и потянулась к дверной ручке.

- Стой! - раздраженно остановил ее Мишка. - Ну что ты вечно рвешь вперед, дай подумать хоть минуту. - Миша поковырял ногой порог и буркнул: - На понт будем брать. - И со вздохом добавил: - Опять всё я...

«Волхв» сидел у себя в покоях. Он был злобен, надут и нос у него распух на пол-лица.

- Зачем пожаловали? - грозно спросил он.

- Поговорить, - сказал Миша. - Я знаю, вы нас отравить хотите.

Прорицатель судорожно сжал что-то в кармане.

- Не берите грех на душу, - продолжил Миша. - Лучше скажите князю, чтоб город тут основал.

- А почему я должен вам верить? - прошипел волхв.

- Да потому что иначе мы расскажем князю, что у вас в сундуке, - сообщил Мишка.

- Что вам надо? - зло спросил волхв.

- Во-первых, не надо нас убивать, - быстро встряла Маша. - А во-вторых, расскажите нам, что здесь происходит. Где мы?

- Как где? - оторопело спросил волхв. - Были Кучковы села, а теперь князевы. Теперь вот позвал братьев своих сюда, в Москов. Ждем со дня на день. Вон князь Олег уже наперед приехал, пардуса привез. Жрет в три горла.

- Пардуса? - удивился Мишка.

- Это барс, наверное, который во дворе в клетке сидит, - догадалась Маша.

- А зачем Долгорукому барс? - спросил Мишка. - То есть пардус?

- Да кто ж их знает, этих князьев! - раздраженно ответил «волхв». - На завтра вон обед готовят, сильный будет обед. Потом напьются, биться будут. Разворотят весь терем, повыловят всех девок в округе, дня три будут гудеть... Потом на радостях начнут клясться друг другу в верности до конца дней своих.

- Вы это откуда знаете? - спросил Мишка.

- Я ж провидец! - вздохнул волхв. - Да на этих встречах всегда так...

* * *

Грек, хоть и чужеземец, предсказал все правильно. Если раньше Мишка с Машей еще как-то преклонялись перед титулом «князь», то после разгульного веселья, устроенного Юрием Владимировичем в честь «высоких гостей», остатки трепета улетучились.

Больше всего это напоминало обычную деревенскую пьянку. Такие же объятия, «дружеские подколки», визг девок, неразборчивые песни, которые не давали никому заснуть до утра, и битвы стенка на стенку. Разница заключалась в том, что не было участкового, который пришел бы и припугнул дебоширов. Князья были тут хозяевами.

Маша, которая вроде бы устала удивляться, просто окаменела, увидев жутковатую картину. Один из гостей, Владимир Рязанский, отловил какую-то старушку и, пьяно хихикая, пытался зарубить ее мечом. Дружинники подбадривали «батюшку-князя» хмельным хохотом. Женщину спасало только то, что Владимир не мог удержать тяжелый меч даже двумя руками, все время заваливался набок. А страшнее всего было то, что старушка не пыталась ни защищаться, ни бежать. Только бормотала что-то жалобное.

Маша, когда смогла снова думать и двигаться, хотела броситься на помощь беззащитной жертве, но сдержалась. Она поняла, что дружинники просто бросят одну игрушку, чтобы развлечься с другой.

Маша в слезах прибежала в овин, где поселили их с Мишкой, и долго пыталась объяснить, что с ней, изрядно струхнувшему Мишке.

Пьяный ор на пиру у князя притих только к утру.

- Надо отсюда валить, - пробормотал Мишка, уже засыпая. - Только как?

Этому вопросу: как выбраться из такого гиблого времени, Маша и Мишка посвятили весь следующий день. Все равно их никто не замечал. Вчерашние бражники или валялись где попало, или бродили с выражением муки на бородатых физиономиях. Все прочие почитали за лучшее прятаться.

Мишка вышел из овина только утром, чтобы добыть еды и питья. К счастью, с этим проблем не было - пиршественные столы не опустели за ночь.

Ребята снова и снова прокручивали в голове два раза, когда их перенесло во времени вперед. По всему получалось, что переносы случались в те моменты, когда удавалось вспомнить что-то из истории.

- Давай сейчас попробуем, - предложил Мишка. - Ты помнишь что-нибудь про эту княжескую встречу?

Маша потерла лоб.

- Не очень... Я с историей не дружу, вот если б нужна была математика или физика, то я...

- Понятно, - хмуро сказал Мишка, - не гуманитарий.

- А сам? У тебя с историей как?

- Да не пошла бы эта... ой... - Мишка вовремя спохватился. - Да у нас училка такая, я ей натрындю всякой ерунды, она мне «пятерку» и поставит. Главное улыбаться и говорить складно.

Мишка опасливо посмотрел по сторонам. Не хватало снова провалиться назад в глубину веков из-за неуважения к учительнице истории.

- Я выучу! - торжественно пообещал Мишка, обращаясь неизвестно к кому. - Вот вернемся - весь учебник вызубрю!

Но время никак не среагировало. Видимо, обещаниям история верила мало.

Так ничего и не надумав, они решили отправиться на поиски грека-прорицателя. Как-то так вышло, что только с ним они и сошлись за эти пару дней. Они заглянули в княжий терем, но «волхва» там не оказалось. Маша предусмотрительно стянула из кадушки пару больших кочанов квашеной капусты, и они продолжили поиски.

Несколько раз приходилось прятаться, услышав нетвердые шаги кого-нибудь из князей или дружинников, но пока никому на глаза не попались. Правда, и грека не обнаружили. Тогда Маша предложила сходить на речку умыться. А если вода не очень холодная - то и искупаться. Вода оказалась ледяной, так что ограничились коротким умыванием. Зато натолкнулись на прорицателя. Он сидел на берегу в такой тоске, что даже Мишка пожалел бедолагу.

- Доброе утро, - поздоровался он.

В ответном взгляде грека читалась лютая ненависть. Он, кажется, посчитал такое пожелание издевательством. Маша торопливо сунула ему в руки квашенные кочанчики. Прорицатель с минуту смотрел на них, явно не понимая, что это.

- Это вам, - пояснила Маша. - Легче будет, если поедите.

Грек молчал. Мишка отобрал один кочан, оторвал от него лист и с аппетитом захрумкал. Надо сказать, капуста оказалась отменной. Мишкин дедушка раньше на балконе квасил - но его продукту до этой вкуснятины было далеко.

Прорицатель осторожно последовал примеру Мишки. После первого же листа глаза приобрели осмысленность, а когда грек умял весь кочан, то уже смог говорить.

- Благодарствую, - просипел он. - Думал, помру после таких праздников...

- А что хоть праздновали-то? - поинтересовался Мишка.

- Союз, - прорицатель иронично скривился, - вечный. Поклялись наши князьки «жить в любви и единстве до конца живота, иметь одних друзей и врагов и сообща стеречься от недругов»...

Длинная цитата измотала грека, он закрыл глаза и пару минут отдыхал. Маша и Мишка терпеливо ждали, пока он скажет еще что-нибудь, - вдруг это пробудит какие-нибудь воспоминания об истории. Мишка даже сунул ему свой кочан.

Грек, не открывая глаз, дожевывал подношение и произнес уже отчетливее:

- А город будут ставить... как вы сказали.

- Вы их уговорили? - почему-то обрадовалась Маша.

- Они сами себя уговорили, - ответил грек. - Тут крепость нужна. Вот и поставят. Ворота на полдень и закат...

В городке начали звонить - тревожно и обреченно. Возможно, кто-то из похмельных гостей решил что-нибудь поджечь, и теперь горожане били в набат. На прорицателя этот звук произвел странное действие. Неожиданно он побледнел, подхватился и скрылся в буреломе.

Маша и Мишка вздохнули. Пока информация «волхва» им мало помогла.

- На полдень и закат, - сказал Миша, просто чтобы что-то сказать. - В смысле - на юг и запад?

Машка кивнула.

- Интересно, - задумалась Маша. - А на восток и север почему не делают?

Мишка пожал плечами.

- Давай рассуждать, - встрепенулась Маша. - Они договорились жить в любви и дружбе. Они договорились ставить тут город. Вспомни, пожалуйста, может что-нибудь такое в учебнике было?

- Слушай... - тихо сказал Мишка, - так это ж и есть первое упоминание Москвы в летописи!

- Так вот этот разгром мы как праздник отмечаем?! - возмутилась Маша.

На сей раз их забросило в лето. Даже не поинтересовавшись, какой век на дворе, Маша и Мишка полезли купаться.

Глава 3. Добрый князь

- Как же хочется нормальные брюки надеть! - сетовал Мишка, ежась в широкой льняной рубахе.

- И нормальные босоножки, - поддакнула Маша. - И мыла б хоть кусочек... Про шампунь и не мечтаю. Ладно, хоть пыль с себя смыли.

Маша распустила мокрые после купания волосы.

- Ну что, в город пойдем? - спросил Миша. - Или сначала к Фекле?

Но Маша была не в настроении куда-то идти, Маша была в философском настроении.

- Слушай, вот лежим мы в траве, никого не видим, - начала рассуждать она, - и мы вне времени. Сейчас может быть десятый век или двадцатый. Трава совсем не изменилась.

- Это ты к чему? - подозрительно спросил Мишка.

- А к тому, что дома мы никогда не обращали внимания, как хорошо, когда вот так лежишь, почти чистый, и тебя никто не пытается спяну мечом зарубить.

- Ну, дома мы и штанам редко радовались. Я уж молчу про носки. И зубные щетки.

- Ладно, пойдем, - вздохнула Маша.

Она с трудом заплела косу и спрятала ее под платок.

- Выгляжу, как чучело, - констатировала она, глядя в воду, - а все вокруг говорят, что красавица. В принципе, и в этом времени можно найти что-то хорошее.

Мишка только глаза закатил.

- Мясо у них вкусное, - причмокнул он. - Пойдем. Кстати, тебе не кажется, что дымом пахнет?

Чем ближе ребята подходили к городу, тем сильнее становился запах. Нехороший он был, тревожный. И непрерывное карканье воронья, раздающееся с неба, не добавляло оптимизма.

Миша с Машей, не сговариваясь, свернули с протоптанной дороги в лес, чтобы подойти к городским воротам под прикрытием деревьев. Но это прикрытие ничуть не смягчило удара от увиденного. Выжженное пепелище. Огрызки домов, торчавшие кривыми зубьями дымящиеся остатки городской стены.

- Хорошо князя погуляли, - пробормотал Мишка.

- Наверное, это все-таки не князя, - неуверенно сказала Маша. - Смотри, город стал гораздо больше. Вот того куса стены вообще не было.

- Его и сейчас нет, - мрачно заметил Мишка. - И как мы узнаем, где мы? Спросить, похоже, не у кого.

- Помнишь, Фекла говорила, что ее избушка будет ждать нас. Пойдем туда, - предложила Маша и с облегчением отвернулась от жуткой картины уничтоженного города.

По дороге к Фекле ребята подавленно молчали.

- Знаешь, что самое страшное, - сказала Маша. - Москву сожгли. Вряд ли она быстро возродится после такого. А значит - ход истории нарушился.

- Если б он нарушился, сюда бы уже примчался Городовой и все исправил бы.

- А вдруг он про нас забыл? - в ужасе спросила Маша. - А вдруг он нас потерял? А вдруг с ним что-то случилось?

- Не ной, а? - рявкнул Миша. - Без тебя тошно!

Избушка Прасковьи стояла на том же месте. Только еще сильнее вросла в землю. Осторожно пробравшись к ней, ребята заглянули внутрь. В нос ударил резкий запах трав.

- Фекла! - позвала Маша.

- Ну я Фекла, чего надо? - раздался суровый голос у них за спиной.

- Нет, вы не Фекла, - испугалась Маша.

На них смотрела не старуха, а довольно крепкая женщина с суровым, как будто высеченным из камня лицом.

- Или не та Фекла, - добавила Маша испуганно.

- Откуда пришли? - спросила женщина.

- Издалека, - уклончиво ответила Маша. - Мы не знали, мы не думали, что тут все так...

- Двоих я спасла, - сказала Фекла. - Девочку себе возьму, выучу ее, а что делать с отроком, не знаю.

- Двоих, - дрожащим голосом спросила Маша. - А где...

- Всех вырезали. Всех! Ироды поганые, и младенцев не пожалели. Все церкви, все монастыри пожгли, кого не сожгли, того порезали. И я знаю, кто вы, - без перехода сменила тему женщина. - Прабабка моя, тоже Фекла, сказала, что придут ко мне отрок и отроковица, - красивые, но сильно глупые.

- Чего это мы глупые?! - немедленно взвился Мишка.

Фекла, даже не посмотрев на Мишку, зашла в дом.

- Тоже мне, умная нашлась, - пробурчал Мишка. - Живут тут по уши в грязи, туалет изобрести мозгов не хватает.

- Тихо, - шикнула Маша и пошла вслед на Феклой-внучкой. - А что еще вам про нас сказала та Фекла?

- Невелики вы птицы, чтоб про вас долго разговаривать. Хотите, ночуйте. Не хотите - идите свой дорогой.

- Помочь вам чем-нибудь? - робко предложила Маша.

- Нет, - отрезала женщина, - Много знаете, ничего не умеете.

- Но город выживет? - тихо спросила Маша.

- Город? - удивилась Фекла и внимательно посмотрела на Машу.

И опять у девочки возникло устойчивое ощущение, что ее мозг сканируют.

Фекла быстро отвернулась, но Маше показалось, что она увидела на ее лице подобие улыбки.

- Красиво, - задумчиво сказала Фекла. - Жаль не доживу.

- Что красиво? - спросил Мишка, который со скучающим лицом появился у порога.

- Город выживет, - сказала Маша. - Значит, с историей все нормально, Городовой не придет. Нужно выбиратья самим.

Маша и Миша сидели на траве и пытались думать.

- И как мы узнаем, какой это век, если от города ничего не осталось? - размышляла вслух Маша. - С другой стороны, если эта Фекла - правнучка той Феклы, то прошло лет 90 или 100. А перенеслись мы из 1147 года. То есть сейчас около 1240 года.

Мишка зажмурился, ожидая перемещения, но ничего не произошло.

- Ладно, - продолжила Маша, - наверное, этого мало, нужно понять, что случилось.

- Ироды поганые, Фекла сказала, - сообщил, зевая, Мишка, - пришли, и все выжгли.

Участвовать в мозговом штурме ему было лень.

- Ироды, ироды, - забубнила Маша. - Что за ироды?

И тут ее осенило.

- Монголо-татары! Ой, уродо-татары! Ой, эти уроды татаро-монголы! Ну ни фига себе иго! Сволочи! Я это как-то по другому себе представляла!

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Похоже, наших героев перекинуло действительно примерно в 1240 год - точнее, в 1237-й, год нашествия Батыея на СевероВосточную Русь, когда монголы сожгли много городов, включая и Москву. Кстати, Маша ошибается, называя «иродов» «татаро-монголами». Такого народа никогда не существовало. Были монголы, именно они на несколько веков подчинили себе Русскую землю.

Реальность дернулась - и рывком стала другой.

* * *

Первое, что бросилось в глаза - тропинка к городу. Если раньше это была небольшая колея, частично заросшая травой, то сейчас она превратилась в широкую наезженную дорогу.

- Хороший признак, - обрадовалась Маша.

- Я б рано не радовался, - скривился Миша. - Еще неизвестно, кто тут ездит.

В ответ на его слова из-за поворота показалась большая подвода с бревнами, которая медленно протащилась мимо. Управлял ей дремлющий мальчишка лет восьми.

Миша и Маша не успели вылезти обратно на дорогу (на всякий случай при звуках приближающегося транспорта они спрятались), как показалась волокуша, груженная корзинами. А потом еще одна, заваленная мешками и тюками.

Чтобы не попадаться на глаза, путешественникам во времени опять пришлось пробираться к городу через лес.

- Вау! - воскликнул Миша, взойдя на очередной холм.

- Вау... - выдохнула Маша.

Москва выросла. Куча людей суетилась возле обновленных крепостных стен. Здоровые мужики швыряли друг другу огромные бревна, как будто это были счетные палочки. Собственно, издали они выглядели ничуть не больше.

- Слушай, мы, наверное, сильно перенеслись во времени, смотри, какой город отгрохали. Пошли скорее, может, они уже до кафе додумались.

И Миша вприпрыжку сбежал с холма.

- Ни о чем, кроме себя, думать не может, - вздохнула Маша и пошла за ним.

Вблизи новые крепостные стены выглядели более чем внушительно. Особенно после хлипких хибарок, которые стояли тут для ребят буквально вчера.

- Побереги-и-ись!

От этого оклика Маша подпрыгнула и шарахнулась в сторону, а мимо ее уха просвистела палка.

- На заработки пришли?

Мужик, поймавший палку, смотрел на Машу с нескрываемым любопытством.

- На заработки, - немедленно согласилась девочка и опустила глаза.

Взгляд мужика ей очень не понравился.

- Заработки, - фыркнул Мишка в сторону. - Делать больше нечего!

- Иди, девка, на княжий двор, - сказал мужик.

Маша быстро-быстро закивала и заспешила прочь. Миша за ней.

- Ты что, правда, на княжий двор собралась? - прошипел Миша ей в спину. - Зачем? Что мы там забыли?

- А что ты предлагаешь? - поинтересовалась Маша.

- Я предлагаю поесть, - заявил Мишка.

- Слушай, - взвилась Маша, - у нас нет денег, их надо сначала заработать.

- Зачем? - удивился Миша. - Нас же все кормили до этого. Да и не собираюсь я тут задерживаться, нужно дальше переноситься. Я домой хочу.

«Он не собирается здесь задерживаться, - вздохнула Маша. - Какие мы оптимисты...»

Княжий двор отыскался без труда. Теперь это был большой, добротный деревянный терем. Правда, видно его было с трудом - вокруг возвышались мощные стены из толстенных бревен.

- Так, - торопливо сказала Маша, - только давай без всяких выкрутасов. Не надо в князя камнями швырять, носы никому разбивать тоже не нужно...

- Да ладно, - отмахнулся Мишка, - попался один нервный урод... Теперь князья, наверное, поспокойнее. Интересно, а теперь - это когда?

Он требовательно посмотрел на Машу, как будто она была обязана определять год, кинув один беглый взгляд на стены. Маше хватило ума просто промолчать в ответ на этот взгляд.

- Опять придется все самому выяснять, - буркнул Мишка, и теперь Маша сдержалась уже с большим трудом.

Мишка размашистым шагом направился к ограде, Маша двинулась за ним.

Ворота нашли быстро - по небольшой обтрепанной толпе. Человек десять оборванцев всех возрастов расположились плотной группой. Когда Мишка попытался обойти их, всклокоченный босой старичок в невероятно грязной и рваной рубахе преградил ему путь клюкой.

- Куда?

- К князю, - Мишка собирался идти напролом, но путь ему заступили две худые, жутко пахнущие и соответственно выглядящие старухи.

Впрочем, Маша не удивилась бы, узнав, что «старухам» лет по двадцать. Она уже стала осваиваться в этом мире. Поэтому дернула за рукав Мишку, который был готов полезть в драку, и спросила как можно жалостнее:

- А князь - он добрый?

Старик критически оглядел ее и ответил, довольный результатом осмотра:

- Не тутошние, что ль?

Но палку не убрал.

- Нет, - быстро ответила Маша.

- С Литвы?

- С Литвы, ага, - Мишка сообразил, что лучше поддакивать. - Так какой у вас сейчас князь?

- Ныне как и давеча - Иван Данилович.

Оборванцы согласно закивали.

- Хороший князь...

- Добрый...

Мишка и Маша удивленно переглянулись. Что-то не помнили они никакого Ивана Даниловича.

- Милость дает убогим, не жалеет, - продолжил старик и тут же забеспокоился. - А вы за милостью? Вам пусть ваш Идимин дает!

- Мы не за милостью, - важно сказал Мишка, - мы по делу. Можно сказать, послы.

Важность его не произвела действия, оборванцы глянули на «послов» иронично.

- Мы на службу к нему поступать идем! - пришла на выручку Маша. - Переводчиками.

- Чего?

- Ну... этими, - тут в Машинной памяти всплыло нужное слово, - толмачами.

- Ну-ка, скажи чего на литовском!

Такого поворота Маша не ожидала и уже ругала себя за глупую придумку, но тут выручила Мишкина самоуверенность и полжизни, проведенные им в спецшколах.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Литва (Великое Княжество Литовское) во времена Ивана Даниловича как раз набирала силу. Правил там в то время князь литовский Гедемин - тот самый, которого оборванцы называли Идиминим. Но большую часть населения Литвы (по оценкам историков - около 90 %) составляли славяне, наследники Киевской Руси. Поэтому москвичей не удивило, что «литовцы» говорят на понятном им языке. Правда, был и чисто литовский, балтийский язык - вот его знание и требовали продемонстрировать от Мишки с Машей. Хорошо, что тогдашние москвичи слабо разбирались в иностранных языках.

- Сам хэв мит, энд кэннот ит, - принялся он декламировать любимое стихотворение своего репетитора. - Сам каннот ит зэт вонт ит. Бат ви хэв мит, энд ви кэн ит, энд лет зе лорд кэн би сэнкит![У которых есть что есть, те подчас не могут есть,

А другие могут есть, да сидят без хлеба.

А у нас тут есть что есть, да при этом есть чем есть,

Значит, нам благодарить остается небо!

(Р. Бёрнс, «Молитва перед едой», перевод С. Маршака.)]

Толпа выслушала этот спич с живым интересом.

- Ну и чего он набалакал? - обратился к Маше старик, который был, судя по всему, за главного.

- Добрый день к вам в дом, - выпалила Маша. - Покушать есть?

Кажется, собравшихся удалось убедить. Одна из худых теток вытащила откуда-то из недр

своего балахона надкушенное яблоко и протянула - но почему-то не Маше, а Мишке. Тот с готовностью принял, даже не подумав поблагодарить, откусил чуть не половину - однако спохватился и передал остальное Маше.

- Может, и возьмет, - задумчиво процедил старик. - А что еще вы...

Дальнейший допрос был остановлен сдавленным голосом кого-то из оборванцев:

- Князь! Князь!

В секунду с толпой произошло превращение. Хотя в это было трудно поверить, но убогие стали еще более жалкими, страшные пострашнели, а согнутые скрутились чуть не колесом. Большинство вдруг стало приволакивать ногу, кривить глаз или подергивать головой.

И при этом все взгляды (даже у внезапно окосевших) были прикованы к воротам.

Князь, как и в прошлый раз, ехал верхом в сопровождении свиты. Однако впечатление он производил гораздо более выгодное, чем Долгорукий. Особенно приятно было смотреть на его лицо: вроде бы и неказистое, но очень добродушное. Казалось, что этот человек тебя никогда не предаст, не обманет и вообще - голову за тебя положит. Впрочем, оборванцев интересовала не голова Ивана Даниловича. Всех интересовал толстый кошель на его поясе.

- Хорошо, - прошептала одна из «старух», оказавшаяся рядом с Машей, - полная калита. На всех хватит. Ты, девка, тоже хватай - и тикай.

Князь увидел собравшуюся толпу, разулыбался ей, словно близким родственникам на собственных именинах, и принялся развязывать свой кошелек. То есть калиту...

Деньги полетели в толпу, началась свара, из которой ребята выбрались с большим трудом. Если б Маше не попало денежкой прямо в глаз, они б ничего не поймали. А теперь, отбежав на приличное расстояние, ребята принялись рассматривать монетку.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ. Как вы уже, наверное, догадались, Иван Данилович - это Иван по прозвищу Калита (впрочем, как и Долгорукий, он получил свое прозвище уже после смерти). В его княжение Москва своих денег еще не чеканила, эту роскошь смог позволить себе только сын Калиты - Иван II. И вообще, с XII по XIV век на Руси продолжался так называемый «безмонетный период», когда монет в обращении было очень мало, и чеканились они в основном в Европе. Так что, скорее всего, Маша и Миша рассматривали какую-нибудь иностранную монету.

- Вот и поедим, - обрадовалась Маша.

- Ты что? - возмутился Мишка. - Ты представляешь, сколько она стоит дома? Да это дурные деньги, мы озолотимся! А ты хочешь это сокровище за еду отдать?

- Ты же сам все время ноешь, что есть хочешь!

- Еще не хватало за эти отбросы еще и платить!

- За все в жизни приходится платить! - взвилась Маша.

- Я тебя умоляю, ты эти свои мудрые мысли оставь для нищих! У тебя их тоже полная калита!

- Калита? - переспросила Машка, нахмурясь.
- Был же такой князь, да? - уточнил Мишка.
- Иван Калита! - воскликнули ребята почти одновременно и замерли.
- Ну и? - спросил Мишка через пару секунд. - Почему нас никуда не переносит?
- Может, мы неправильно угадали? Или нужно угадать что-то не то? - задумалась Маша.
- То... Не то... Что они там, с ума посходили? - возмутился Мишка. - Мы угадали, что еще надо?
- Цыц! - шикнула Маша. - Еще не хватало обратно унесться!

На улице стало стремительно темнеть.

- Надо искать место для ночлега, - сказала Маша.
- Я не собираюсь спать голодным, - забубнил Мишка.
- Флаг тебе в руки, - огрызнулась Маша и осмотрелась. - Лично я пойду в ближайший сарай и буду ждать утра.

Миша несколько минут попереминался с ноги на ногу, поругался в темноту, а потом быстренько шмыгнул за Машей.

* * *

Маша проснулась первая. Вставать очень не хотелось, она тихо лежала и смотрела на то, как первый луч солнца бесшумно двигается по стене.

Этот самый луч был сигналом к подъему. По двору уже бегали девки с ведрами, где-то голосили петухи, мычали коровы. Мишка спал, развалившись на куче сена, даже во сне не переставая раздраженно чмокать губами.

- Миш, вставай! Миш! Миша-а-а!
- Аааа... Что?
- Миш, пойдем, нужно попытаться попасть к князю.
- Ну так иди и попадай, отстань, дай поспать...

Маша еще потеряла его, а потом вздохнула и выбралась из сарая.

В рассветном солнце княжий терем выглядел так красиво, что Маша стала как вкопанная, открыв рот. Его деревянные некрашеные стены светились как будто изнутри, а всякие деревянные финтифлюшки, незаметные вечером, сейчас казались нарисованными прямо в воздухе.

- Что стоим? - раздавалось над ухом. - Поприходят из глуши и пялятся! Ты из Кречетников или из Хамовников?
- Из Кречетников, - ответила Маша, уже поняв, что отвечать нужно быстро и уверенно.

- Еще два десятка перепелов, - сообщила строгая пожилая женщина в платке и сарафане.

- Зачем? - не удержалась от вопроса Маша.

- Будет пир княжий, - гордо ответила женщина, но тут же спохватилась. - А вообще, не вашего ума дело, ваше дело мои слова куда надо передать.

Маша кивнула.

- Ну что стоишь! - прикрикнула женщина. - Беги давай скорее!

Маша попыталась сделать жалобное лицо.

- Мне б хлебушка хоть кусочек, кушать хочется.

- Поразводили попрошаек, - забурчала женщина, но смиростивилась. - Ладно, сейчас вынесу...

Заскочила в терем, швырнула Маше в руки кусок лепешки, подтолкнула ее к воротам и ушла.

Маше пришлось втихаря пробираться обратно, к Мишке в сарай.

- Миша, я... - начала девочка и осеклась.

Рядом с Мишкой, просто неприлично рядом, сидела девка и, глупо хихикая, скармливала ему что-то вкусное. Мишка радостно засовывал в рот еду, одобрительно смотря, как девка наваливается на него сочной грудью.

- А кто это? - беззлобно спросила она, заметив Машу.

- Где? - Мишка крутанул головой. - Это сестра! - тут же, не моргнув глазом, соврал он.

Маша тупо смотрела на происходящее.

- А! - обрадовалась девка. - А такой брат у тебя пригожий! А я захожу, а он тут один лежит. Не дело такому красавцу одному лежать.

Девка захихикала и прижалась к Мишке еще сильнее.

- Я за едой ходила, - сказала Маша.

- Да не надо уже! - сказал Мишка. - Меня покормила... Кстати, тебя как звать?

- Агаша.

- Во! Меня Агаша покормила.

И Мишка по-хозяйски обнял Агашу. Та так радостно к нему прижалась, что Мишка немедленно покраснел и убрал руку.

- Агафья! - раздалось с порога. - И где тебя носит, тварь поганая? Сколько можно ждать!

Девка подскочила как ужаленная, кинула через плечо:

- Я к тебе ночью приду!

И унеслась на бешеной скорости, сверкая грязными пятками.

- Ну что ты так смотришь? - спросил Миша, глядя на окаменевшую Машу. - Ну пришла, ну покормила. А что я, по-твоему, отказываться должен?

Маша вышла из ступора через пару минут.

«Собственно, а что нового, - подумала она. - Что все мужики - козлы, я и так знала, спасибо маме, предупреждала много раз. А Мишка мне никто... Тот, который "типа папа", так он маме мужем был. И то слинял, как только привалилась такая вот... Агаша. А Миша мне ничего не должен. Ну, в очередной раз про меня не подумал, ну и что?»

- Ты б мне хоть еды оставил, - тихо сказала Маша.

- Ой! - искренне огорчился Миша. - А тебя разве не покормили?

Маша с остервенением вгрызлась в сухую лепешку.

* * *

- Нам нужно пойти куда-то в Кречетники и передать заказ на перепелов, - со вздохом сказала Маша.

- Да ну, - отмахнулся Миша, - делать больше нечего. Что нам там делать в этих Кречетниках? Тут нужно тусить, вокруг княжеского двора. Тут хоть какая-то жизнь, может, что и выясним.

- Ну да, - вздохнула Маша, - если про князя мы еще что-нибудь можем вспомнить, то про все остальное - шансов почти нет.

- Вот и подумай, - предложил Миша. - Что ты помнишь про этого Калиту?

- Да почти ничего, - вздохнула Маша. - Знаю, что он жил в одно время со святым Петром.

- Кто это? - изумился Мишка.

- Святой. Покровитель Москвы, чудотворец. Его на иконах часто изображали. У бабушки висела.

Маша осеклась, не желая вдаваться в личные подробности. Уж больно трепетно относилась ее бабушка к этой иконе.

- В то время он был митрополитом, - сухо продолжила она.

- Ну и нормально, - сказал Мишка, - классный повод. Пошли, скажем, что мы пришли к святому Петру. Божьи люди, тыры-пыры...

- Ты хоть креститься умеешь, божий человек? - фыркнула Маша.

- Вот он меня и научит, - отмахнулся Мишка.

Сказать легко, сделать оказалось гораздо сложнее. Пробриться к князю почти невозможно, его не поймать. Дважды удалось увидеть его мельком, оба раза их теснили в сторону.

- Нужно проникнуть в терем, - сказал Мишка, с трудом увернувшись от конного отряда,

следовавшего за князем. – Так мы до него не докричимся.

Маша никак не прокомментировала эту гениальную идею.

– Значит так, – продолжил он, оглядевшись, – сейчас ты пойдешь к терему, прикинешься дурочкой и будешь проситься на работу.

– Почему я? – возмутилась Маша.

– Да ты посмотри, ни одного мужика вокруг! Они где-то на стройке, наверное, работают. Или на войну ушли. Я тут, как дурак, все на меня пялятся.

– Ладно, – согласилась Маша. – А дальше что?

– Не знаю, что дальше! – возмутился Мишка. – У тебя есть идеи получше? Иди, вид у тебя что надо.

Маша вспыхнула, попыталась стряхнуть с рубахи грязь, поправила платок.

– Да бесполезно, – фыркнул Мишка, – и не нужно. Они тут все такие красавицы. Я буду в засаде сидеть. Как только тебя примут, я выскочу и договорюсь.

Вокруг терема Маша ходила долго, все никак не могла вклиниться в окружающую суету. Пару раз она попробовала обратиться к девкам, пробегавшим мимо, но те ошалело спрашивали:

– А?

И неслись дальше.

Помог случай. Та самая женщина, которая отправляла Машу в Кречетники, вышла из терема и, не глядя, вывалила прямо Маше под ноги здоровый горшок с помоями.

– Ай! – крикнула Маша.

– И ходют, и ходют! – рявкнула женщина.

И тут появился Мишка, который аккуратно плюхнулся на колени рядом с помоями, потянув за собой Машу, которой ничего не оставалось, как рухнуть в самую их середину. Мишка заголосил на одной ноте.

– Ай, матушка, две недели шли, ничего не ели! Молва идет по свету, что святой Петр чудотворец в святом граде Москве живет. Пустите с ним поговорить, Христом богом просим!

При упоминании святого Петра лицо женщины прояснилось, но быстро приняло прежнее пресное выражение.

– Что ж вы к князю в терем ломитесь, а? Шли б к митрополиту на подворье. И вообще... Давно уже Петра схоронили.

– Ай-ай-ай, – закричал Мишка и закрыл лицо руками. Получилось очень убедительно, как будто он узнал о смерти близкого человека. – Мне столько надо было ему сказать, столько сказать, – голосил Миша, не отнимая рук от лица. – О, Петр, как же так... На кого ж ты нас покинул...

Вокруг ребят уже собралась небольшая толпа. Дворовые девки, разинув рты, пялились на

безутешного отрока, даже ленивая охрана высунулась из своих комнат.

- Глафира, надо б их к князю, - предложил один из воинов. - Петра знают... Князь, если прослышит, что мы их прогнали, зашибет насмерть.

- В гридницу их! - приказала Глафира. - И глаз не спускать, а то еще сопрут чего.

Гридница оказалась вовсе не темницей, а комнатой для гридны, то есть княжеской дружины. И была она почти пустая, - видно, князь со своими воинами куда-то отбыл из терема. Сидеть было скучно. Маша пошаталась из угла в угол и заглянула в соседнюю клеть, где суетилась Глафира.

- Давайте подсоблю, - предложила она.

Глафира глянула грозно, но согласилась.

- Мед по кувшинам разлей. Только не пей!

Маша б и не смогла это пить, напиток был крайне неаппетитный, ни по виду, ни по запаху.

- Издалече пришли? - спросила Глафира.

- Очень, - ответила Маша.

Глафира сунула ей в руки кувшин.

- Пойдем, отнесем в столовую избу.

Столы для пира были накрыты.

Выглядело все очень пышно, стол был заставлен золотыми и серебряными ковшами в виде лебедей, но бардак был немыслимый.

- Ой! - сказала Маша. - А давайте вот эту чашу сюда переставим. И вот этих птичек можно кусочками нарезать. И хлеба на том конце стола нет. И давайте блюдо почистим, оно потемнело совсем.

Глафира посмотрела на Машу с подозрением.

- Ты, девка, прислуживала кому?

- Давно дело было, - быстро соврала Маша, - но хорошим людям.

Маша вспоминала мамины уроки сервировки стола и лихо переставляла блюда.

Глафира смотрела на нее сначала с подозрением, а потом с восхищением.

- Если князь не прикажет вас убить, возьму тебя на службу.

- А зачем князю нас убивать? - удивилась Маша.

- А я почем знаю? Не нашего это ума дело. Как князь решит, так и будет. Ему виднее.

* * *

То, что князь едет, было слышно издалека. Вдруг стали накатывать волны звуков с улицы: цоканье, свист, крики, лошадиное ржание. И эта какофония, приближаясь, в несколько раз усиливала скорость, с которой носились по терему девки с разной снедью.

Во время ужина Машу и Мишу совсем затолкали, столько народу носились вокруг столовой избы с различными переменами блюд. Ужин тянулся невероятно медленно, потом внезапно кончился, князь прошел мимо, даже не повернув головы в их сторону.

- Прямо в повалуши пошел, - прошелестела Глафира, - умаялся, бедный. Пойдем, со стола собрать подсобишь.

«Собрать со стола» вылилось в пьянку слуг и огромную уборку, так что отпустили спать Машу совсем поздно. Или уже рано...

Мишка среди ночи проснулся. Руки затек ли, шея не разгибалась. Потому как спал он прямо в гриднице, уронив голову на стол. Не то чтоб он беспокоился о Маше, но, во-первых, одному было неуютно, а во-вторых, очень хотелось в туалет. Миша немного побродил по клети, а потом рискнул выглянуть в коридор. Было тихо. Сгибая голову, чтоб не стукнуться головой о низкий потолок сводов, Мишка стал пробираться к выходу. И он уже почти дошел... Но тут раздались тяжелые шаги, Мишка в страхе заметался, нырнул в первую попавшуюся клеть, чтоб ни с кем не встречаться... И в ужасе понял, что шаги направляются именно туда, где он спрятался. Мишка забился в самый дальний угол, сжался в комочек и затих.

Через некоторое время ему стало совсем туго. До «туалета» он так и не дошел, а руки и ноги затекли еще сильнее. Вошедший же зажег свечи, стал на колени и принялся истово молиться. Причем по его усердию было похоже, что он готов провести так всю ночь.

Мишка пытался приспособиться, потом старался думать о чем-нибудь хорошем, но мысли все больше и чаще сбивались на естественные потребности организма. Да еще и воздух в клети становился все гуще и тяжелее - чад свечей и никакой вентиляции. И вот, при попытке сесть поудобнее, Мишка не сдержался и со стоном перевалился на сторону.

- Кто здесь? - вздрогнул молящийся и поднял голову.

Мишка узнал князя, и ему стало совсем нехорошо.

- Кто посмел войти сюда? - рявкнул князь.

У Мишки от страха помутилось в голове.

- Я - митрополит Петр, - прошептал он.

У князя просветлилось лицо и из глаз покатались огромные слезы.

- Я так счастлив, - прошептал он. - Я ждал тебя. Мне тебя не хватает.

- Ты - молодец, - сдавленно просипел Мишка. - Ты - хороший князь.

- Ты придешь еще? - спросил князь. - Али пришьлешь ко мне кого-нибудь? Мне нужны твои советы, мне нужны разговоры с тобой.

Мишкина соображалка сработала мгновенно.

- Придут к тебе отрок и отроковица, Мария и Михаил. Ты приветь их. Они принесут тебе

весточку от меня.

- Хорошо, - благоговейно прошептал князь и зашептал молитвы с новой силой.

- А сейчас иди спать, - зашептал Мишка из последних сил. - Иди, тебе нужен отдых.

Князь секунду поколебался, а потом встал, задул свечи и вышел, утирая слезы. Мишка с трудом раскрючился и пулей вылетел следом. Во двор.

* * *

Такого пробуждения не пожелаешь никому.

- Как звать тебя? - орала Маше в ухо Глафира, и со всех сил трясла ее за плечо.

- Маша...

- Мария? - гаркнула Глафира.

- Ну да, да... - девочка с трудом разлепила глаза.

- Вот напасть-то, я а ее работать заставила, - запричитала Глафира. - Ах ты господи, вот беда-то, не сносить мне головы... Ты уж замолви за меня словечко, я ж не со зла...

Глафира суетилась, нервно пытаясь разглядеть Машино платье.

- Что случилось? - Маша еще не проснулась и совершенно не соображала, что происходит. - Где Миша?

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru